

Оскар Уайльд

КЕНТЕРВУЛЬСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

 Bilinguator

Оскар Уайльд
Кентервильское привидение
Oscar Wilde
The Canterville Ghost

Глава первая

I

Когда мистер Хайрем Б. Оутис, американский посланник, решил купить Кентервильский замок, все стали его уверять, что он делает ужасную глупость: было достоверно известно, что в замке обитает привидение.

When Mr. Hiram B. Otis, the American Minister, bought Canterville Chase, every one told him he was doing a very foolish thing, as there was no doubt at all that the place was haunted.

Сам лорд Кентервиль, человек донельзя щепетильный, даже когда дело касалось пустяков, не преминул при составлении купчей предупредить об этом мистера Оутиса.

Indeed, Lord Canterville himself, who was a man of the most punctilious honour, had felt it his duty to mention the fact to Mr. Otis when they came to discuss terms.

— Мы стараемся приезжать сюда как можно реже, — сказал лорд Кентервиль. — И это с тех самых пор, как с моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтон, случился нервный припадок, от которого она так и не оправилась. Она переодевалась к обеду, и вдруг ей на плечи опустились две костлявые руки. Не скрою от вас, мистер Оутис, что привидение это являлось и многим ныне здравствующим членам моей семьи. Его видел также наш приходский священник, преподобный Огастус Дэмпир, член совета Королевского колледжа в Кембридже.

“We have not cared to live in the place ourselves,” said Lord Canterville, “since my grandaunt, the Dowager Duchess of Bolton, was frightened into a fit, from which she never really recovered, by two skeleton hands being placed on her shoulders as she was dressing for dinner, and I feel bound to tell you, Mr. Otis, that the ghost has been seen by several living members of my family, as well as by the rector of the parish, the Rev. Augustus Dampier, who is a Fellow of King’s College, Cambridge.

После этой неприятности с герцогиней вся младшая прислуга ушла от нас, а леди Кентервиль совсем лишилась сна: каждую ночь ей слышались какие-то непонятные шорохи в коридоре и библиотеке.

After the unfortunate accident to the Duchess, none of our younger servants would stay with us, and Lady Canterville often got very little sleep at night, in consequence of the mysterious noises that came from the corridor and the library.”

— Что ж, милорд, — ответил посланник, — я беру привидение вместе с мебелью. Я приехал из передовой страны, где есть всё, что можно купить за деньги. К тому же учтите — молодёжь у нас бойкая, способная перевернуть весь ваш Старый Свет. Наши молодые люди увозят от вас лучших актрис и оперных примадонн. Так что, заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме.

“My Lord,” answered the Minister, “I will take the furniture and the ghost at a valuation. I have come from a modern country, where we have everything that money can buy; and with all our spry young fellows painting the Old World red, and carrying off your best actors and prima-donnas, I reckon that if there were such a thing as a ghost in Europe, we’d have it at home in a very short time in one of our public museums, or on the road as a show.”

The Canterville Ghost

— Боюсь, что Кентервильское привидение всё-таки существует, — сказал улыбаясь лорд Кентервиль, — хоть оно, видимо, и не соблазнилось предложениями ваших предприимчивых импресарио. О его существовании известно уже добрых триста лет, — а если быть точным, с тысяча пятьсот восемьдесят четвёртого года, — и оно неизменно появляется незадолго до кончины кого-нибудь из членов нашей семьи.

— Ну, лорд Кентервиль, домашний врач тоже всегда появляется в подобных случаях. Уверю вас, сэръ, никаких привидений не существует, и законы природы, я полагаю, для всех одни — даже для английской аристократии.

— Вы, американцы, ещё так близки к природе! — отозвался лорд Кентервиль, видимо, не совсем уразумев последнее замечание мистера Оутиса. — Что ж, если вас устраивает дом с привидением, то всё в порядке. Только не забудьте, я вас предупреждал.

Несколько недель спустя была подписана купчая, и по окончании лондонского сезона посланник с семьёй переехали в Кентервильский замок.

Миссис Оутис, которая в своё время — ещё под именем мисс Лукреции Р. Тэппен с 53-й Западной улицы — славилась в Нью-Йорке своей красотой, была теперь дамой средних лет, всё ещё весьма привлекательной, с чудесными глазами и точёным профилем.

“I fear that the ghost exists,” said Lord Canterville, smiling, “though it may have resisted the overtures of your enterprising impresarios. It has been well known for three centuries, since 1584 in fact, and always makes its appearance before the death of any member of our family.”

“Well, so does the family doctor for that matter, Lord Canterville. But there is no such thing, sir, as a ghost, and I guess the laws of Nature are not going to be suspended for the British aristocracy.”

“You are certainly very natural in America,” answered Lord Canterville, who did not quite understand Mr. Otis’s last observation, “and if you don’t mind a ghost in the house, it is all right. Only you must remember I warned you.”

A few weeks after this, the purchase was concluded, and at the close of the season the Minister and his family went down to Canterville Chase.

Mrs. Otis, who, as Miss Lucretia R. Tappan, of West 53d Street, had been a celebrated New York belle, was now a very handsome, middle-aged woman, with fine eyes, and a superb profile.

Кентервильское привидение

Многие американки, покидая родину, напускают на себя вид хронических больных, считая это одним из признаков европейской утонченности, но миссис Оутис этим не грешила. Она отличалась прекрасным здоровьем и совершенно фантастическим избытком энергии. Право, её нелегко было отличить от настоящей англичанки, и её пример лишний раз подтверждал, что между нами и Америкой удивительно много общего — практически всё, кроме, разумеется, языка.

Старший из сыновей, которому родители в порыве патриотизма дали имя Вашингтон, — о чём он никогда не переставал сожалеть, — был светловолосым молодым человеком довольно приятной наружности, готовившимся занять достойное место в американской дипломатии, свидетельством чего был тот факт, что он три сезона подряд лихо отплясывал в ньюпортском [Ньюпорт — в прошлом модный курорт в штате Род-Айленд.] казино котильон [Котильон — сложный фигурный танец для нескольких пар, из которых первая пара — ведущая.], неизменно выступая в первой паре, и даже в Лондоне заслужил репутацию превосходного танцора.

У него были две слабости — гардении и геральдика, а во всём остальном он отличался удивительным здравомыслием.

Мисс Вирджинии Е. Оутис шёл шестнадцатый год. Это была стройная, грациозная, как лань, девочка с большими, ясными голубыми глазами.

Она прекрасно ездил верхом и однажды, уговорив старого лорда Билтона проскакать с ней два раза наперегонки вокруг Гайд-парка, первая оказалась у статуи Ахиллеса, обойдя лорда на своём пони на целых полтора корпуса, чем привела юного герцога Чеширского в такой восторг, что он немедленно сделал ей предложение и вечером того же дня, весь в слезах, был отослан своими опекунами обратно в Итон.

Many American ladies on leaving their native land adopt an appearance of chronic ill-health, under the impression that it is a form of European refinement, but Mrs. Otis had never fallen into this error. She had a magnificent constitution, and a really wonderful amount of animal spirits. Indeed, in many respects, she was quite English, and was an excellent example of the fact that we have really everything in common with America nowadays, except, of course, language.

Her eldest son, christened Washington by his parents in a moment of patriotism, which he never ceased to regret, was a fair-haired, rather good-looking young man, who had qualified himself for American diplomacy by leading the German at the Newport Casino for three successive seasons, and even in London was well known as an excellent dancer.

Gardenias and the peerage were his only weaknesses. Otherwise he was extremely sensible.

Miss Virginia E. Otis was a little girl of fifteen, lithe and lovely as a fawn, and with a fine freedom in her large blue eyes.

She was a wonderful Amazon, and had once raced old Lord Bilton on her pony twice round the park, winning by a length and a half, just in front of the Achilles statue, to the huge delight of the young Duke of Cheshire, who proposed for her on the spot, and was sent back to Eton that very night by his guardians, in floods of tears.

The Canterville Ghost

У Вирджинии было также двое младших братьев-близнецов, которых прозвали «звёздно-полосатыми» [«Звёздно-полосатый» — название государственного флага США.], поскольку их без конца пороли, — очень славные мальчики, к тому же единственные в семье убеждённые республиканцы, если, конечно, не считать самого посланника.

От Кентервильского замка до ближайшей железнодорожной станции в Аскоте было целых семь миль, но мистер Оутис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали экипаж, и семья двинулась к замку в отличнейшем расположении духа. Стоял прекрасный июльский вечер, и воздух был напоён тёплым ароматом соснового бора. Время от времени до них доносилось нежное воркование лесной горлицы, упивавшейся своим собственным голосом, в шелестящих зарослях папоротника то и дело мелькала пёстрая грудь фазана.

С высоких буков на них поглядывали белки, казавшиеся снизу совсем крошечными, а притаившиеся в низкой поросли кролики, завидев их, удирали по мшистым кочкам, подёргивая своими короткими белыми хвостиками.

Но не успели они выехать на аллею, ведущую к Кентервильскому замку, как небо вдруг заволкло тучами и воздух сковала странная тишина. Над головой у них бесшумно пролетела огромная стая грачей, и, когда они подъезжали к дому, большими редкими каплями начал накрапывать дождь.

На ступеньках их поджидала опрятная старушка в чёрном шёлковом платье, белом чепце и переднике. Это была миссис Амни, домоправительница, которую миссис Оутис, по настоятельной просьбе леди Кентервиль, оставила в прежней должности.

After Virginia came the twins, who were usually called “The Star and Stripes,” as they were always getting swished. They were delightful boys, and, with the exception of the worthy Minister, the only true republicans of the family.

As Canterville Chase is seven miles from Ascot, the nearest railway station, Mr. Otis had telegraphed for a waggonette to meet them, and they started on their drive in high spirits. It was a lovely July evening, and the air was delicate with the scent of the pinewoods. Now and then they heard a wood-pigeon brooding over its own sweet voice, or saw, deep in the rustling fern, the burnished breast of the pheasant.

Little squirrels peered at them from the beech-trees as they went by, and the rabbits scudded away through the brushwood and over the mossy knolls, with their white tails in the air.

As they entered the avenue of Canterville Chase, however, the sky became suddenly overcast with clouds, a curious stillness seemed to hold the atmosphere, a great flight of rooks passed silently over their heads, and, before they reached the house, some big drops of rain had fallen.

Standing on the steps to receive them was an old woman, neatly dressed in black silk, with a white cap and apron. This was Mrs. Umney, the housekeeper, whom Mrs. Otis, at Lady Canterville’s earnest request, had consented to keep in her former position.

Кентервильское привидение

Она сделала глубокий реверанс перед каждым из членов семьи и церемонно, по-старинному, промолвила:

— Милости просим в Кентервильский замок!

Они вошли вслед за нею в дом и, миновав величественный холл в стиле тюдор, очутились в библиотеке — длинной и низкой комнате, обшитой чёрным дубом, с большим витражом напротив двери. Здесь уже всё было приготовлено к чаю. Сбросив с себя плащи и шали, они уселись за стол и, пока миссис Амни разливала чай, принялись осматриваться вокруг.

Вдруг миссис Оутис заметила на полу возле камина потемневшее от времени красное пятно и, не в состоянии себе объяснить, откуда оно могло появиться, спросила у миссис Амни:

— Наверное, там было что-то пролито?

— Да, мадам, — ответила старая экономка приглушённым голосом, — на этом месте была пролита кровь.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Оутис. — Мне не хотелось бы, чтобы в моей гостиной были пятна крови. Его нужно сейчас же убрать!

Старушка улыбнулась и ответила всё тем же таинственным полушёпотом:

— Вы видите кровь леди Элеоноры де Кентервиль, убитой на этом самом месте в тысяча пятьсот семьдесят пятом году супругом своим сэром Саймоном де Кентервилем.

Сэр Саймон пережил её на девять лет, а потом внезапно исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Тело его так и не нашли, но грешный дух его доныне бродит по замку. Туристы и прочие посетители замка с неизменным восхищением осматривают это пятно, и смыть его никак невозможно.

She made them each a low curtsy as they alighted, and said in a quaint, old-fashioned manner, "I bid you welcome to Canterville Chase."

Following her, they passed through the fine Tudor hall into the library, a long, low room, panelled in black oak, at the end of which was a large stained glass window. Here they found tea laid out for them, and, after taking off their wraps, they sat down and began to look round, while Mrs. Umney waited on them.

Suddenly Mrs. Otis caught sight of a dull red stain on the floor just by the fireplace, and, quite unconscious of what it really signified, said to Mrs. Umney, "I am afraid something has been spilt there."

"Yes, madam," replied the old housekeeper in a low voice, "blood has been spilt on that spot."

"How horrid!" cried Mrs. Otis; "I don't at all care for blood-stains in a sitting-room. It must be removed at once."

The old woman smiled, and answered in the same low, mysterious voice, "It is the blood of Lady Eleanore de Canterville, who was murdered on that very spot by her own husband, Sir Simon de Canterville, in 1575.

Sir Simon survived her nine years, and disappeared suddenly under very mysterious circumstances. His body has never been discovered, but his guilty spirit still haunts the Chase. The blood-stain has been much admired by tourists and others, and cannot be removed."

The Canterville Ghost

— Ерунда! — уверенно произнёс Вашингтон Оутис. — «Образцовый пятновыводитель и очиститель» фирмы «Пинкертон» удалит его в два счёта.

И не успела испуганная экономка ему помешать, как он, опустившись на колени, принялся тереть пол маленьким круглым брусом, похожим на губную помаду, только чёрную. Не прошло и минуты, как от пятна и следа не осталось.

— «Пинкертон» никогда не подведёт! — с торжествующим видом воскликнул юноша, обернувшись к восхищённому семейству. Но едва он произнёс эти слова, как ужасающая вспышка молнии озарила полутёмную комнату, и последовавший за ней оглушительный раскат грома заставил всех вскочить на ноги, а миссис Амни лишилась чувств.

— Какой здесь отвратительный климат, — с невозмутимым видом проговорил американский посланник, закуривая сигару. — Добрая старая Англия до того перенаселена, что даже приличной погоды на всех не хватает. Я всегда придерживался мнения, что эмиграция — единственное спасение для Британии.

— Дорогой Хайрем, — сказала миссис Оутис, — что нам с ней делать, если она чуть что примется падать в обморок?

— Удерживай у неё из жалованья, как за битьё посуды, — ответил посланник, — и вскоре она избавится от этой привычки.

И правда, через две-три секунды миссис Амни очнулась. Впрочем, у неё был явно обиженный вид, и она, упрямо поджав губы, заявила мистеру Оутису, что в этот дом скоро придёт беда.

“That is all nonsense,” cried Washington Otis; “Pinkerton’s Champion Stain Remover and Paragon Detergent will clean it up in no time.”

And before the terrified housekeeper could interfere, he had fallen upon his knees, and was rapidly scouring the floor with a small stick of what looked like a black cosmetic. In a few moments no trace of the blood-stain could be seen.

“I knew Pinkerton would do it,” he exclaimed, triumphantly, as he looked round at his admiring family; but no sooner had he said these words than a terrible flash of lightning lit up the sombre room, a fearful peal of thunder made them all start to their feet, and Mrs. Umney fainted.

“What a monstrous climate!” said the American Minister, calmly, as he lit a long cheroot. “I guess the old country is so overpopulated that they have not enough decent weather for everybody. I have always been of opinion that emigration is the only thing for England.”

“My dear Hiram,” cried Mrs. Otis, “what can we do with a woman who faints?”

“Charge it to her like breakages,” answered the Minister; “she won’t faint after that;” and in a few moments Mrs. Umney certainly came to.

There was no doubt, however, that she was extremely upset, and she sternly warned Mr. Otis to beware of some trouble coming to the house.

Кентервильское привидение

— Сэр, — сказала она, — мне доводилось здесь видеть такое, от чего у всякого христианина волосы могли бы встать дыбом, и те ужасные вещи, которые здесь происходят, не давали мне сомкнуть глаза многие и многие ночи.

Но мистер Оутис и его супруга заверили почтенную особу, что они не боятся привидений, и, призвав благословенье Божье на своих новых хозяев, а также намекнув, что неплохо было бы прибавить ей жалованье, старая домоправительница нетвёрдыми шагами удалилась в свою комнату.

“I have seen things with my own eyes, sir,” she said, “that would make any Christian’s hair stand on end, and many and many a night I have not closed my eyes in sleep for the awful things that are done here.”

Mr. Otis, however, and his wife warmly assured the honest soul that they were not afraid of ghosts, and, after invoking the blessings of Providence on her new master and mistress, and making arrangements for an increase of salary, the old housekeeper tottered off to her own room.

Глава вторая

II

Всю ночь бушевала буря, но ничего из ряда выходящего не произошло. Однако, когда на следующее утро все спустились к завтраку, они снова увидели на полу кровавое пятно.

— В «образцовом очистителе» сомневаться не приходится, — сказал Вашингтон. — На чём я его только не перепробовал — и он ни разу меня не подвёл. Видно, здесь и в самом деле приложило руку привидение.

И он ещё раз вывел пятно, но наутро оно снова появилось на прежнем месте.

Оно было там и на третье утро, хотя накануне вечером мистер Оутис, прежде чем уйти спать, лично запер библиотеку и забрал с собой ключ.

The storm raged fiercely all that night, but nothing of particular note occurred. The next morning, however, when they came down to breakfast, they found the terrible stain of blood once again on the floor.

“I don’t think it can be the fault of the Paragon Detergent,” said Washington, “for I have tried it with everything. It must be the ghost.”

He accordingly rubbed out the stain a second time, but the second morning it appeared again.

The third morning also it was there, though the library had been locked up at night by Mr. Otis himself, and the key carried up-stairs.

The Canterville Ghost

Теперь проблема привидений интересовала всю семью. Мистер Оутис стал подумывать, не слишком ли он был категоричен, отрицая существование духов; миссис Оутис высказала намерение вступить в Парапсихологическое общество, а Вашингтон сочинил длинное письмо господам Майерсу и Подмору [Английские учёные Ф. Майерс (1843—1901) и Э. Подмор (1856—1910) способствовали созданию Общества парапсихологических исследований и в соавторстве написали книгу «Духи живых людей» (1886).] касательно долговечности кровавых пятен, связанных с преступлениями.

Если у них и оставались какие-то сомнения в реальности призраков, в ту памятную ночь они рассеялись навсегда.

День был жаркий и солнечный, и с наступлением вечерней прохлады всё семейство отправилось на прогулку.

Домой они вернулись лишь к девяти часам и сразу же сели за лёгкий ужин.

О привидениях даже речи не заходило, так что присутствующие вовсе не были в том состоянии повышенной восприимчивости, которое часто предшествует материализации духов.

Говорили, как потом мне рассказывал мистер Оутис, о том, о чём обычно говорят просвещённые американцы из высших слоёв общества: о бесспорном превосходстве американской актрисы мисс Фанни Давенпорт над французской актрисой Сарой Бернар; о том, что даже в лучших английских домах не подают кукурузы, гречневых лепёшек и мамалыги; об исключительном значении Бостона для духовного развития всего человечества; о преимуществах введённой системы багажных квитанций при оформлении провоза багажа по железной дороге; о приятности нью-йоркского произношения по сравнению с протяжным лондонским выговором.

The whole family were now quite interested; Mr. Otis began to suspect that he had been too dogmatic in his denial of the existence of ghosts, Mrs. Otis expressed her intention of joining the Psychical Society, and Washington prepared a long letter to Messrs. Myers and Podmore on the subject of the Permanence of Sanguineous Stains when connected with Crime.

That night all doubts about the objective existence of phantasmata were removed for ever.

The day had been warm and sunny; and, in the cool of the evening, the whole family went out to drive.

They did not return home till nine o'clock, when they had a light supper.

The conversation in no way turned upon ghosts, so there were not even those primary conditions of receptive expectations which so often precede the presentation of psychical phenomena.

The subjects discussed, as I have since learned from Mr. Otis, were merely such as form the ordinary conversation of cultured Americans of the better class, such as the immense superiority of Miss Fanny Devonport over Sarah Bernhardt as an actress; the difficulty of obtaining green corn, buckwheat cakes, and hominy, even in the best English houses; the importance of Boston in the development of the world-soul; the advantages of the baggage-check system in railway travelling; and the sweetness of the New York accent as compared to the London drawl.

Кентервильское привидение

Ни о чём сверхъестественном речь не заходила, сэр Саймон де Кентервиль также не упоминался. В одиннадцать вечера все отправились отдыхать, и полчаса спустя в доме был погашен свет.

Некоторое время спустя мистер Оутис проснулся от странных звуков в коридоре у него за дверью. Ему почудилось, что он слышит — и с каждым мгновением всё отчётливее — лязганье металла.

Он встал, чиркнул спичкой и взглянул на часы. Они показывали ровно час ночи.

Мистер Оутис, не теряя самообладания, пощупал свой пульс, и он оказался, как всегда, ровным и ритмичным. Но загадочные звуки не умолкали — более того, мистер Оутис явственно услышал звук шагов. Он сунул ноги в комнатные туфли, достал из дорожного несессера продолговатый флакон в упаковке и открыл дверь.

Прямо перед собой он увидел в призрачном свете луны старика в высшей степени ужасного вида. Глаза его горели, как раскалённые угли, седые длинные волосы космами ниспадали на плечи, грязное платье старинного покроя всё было в лохмотьях, с его рук и ног, закованных в кандалы, свисали тяжёлые ржавые цепи.

— Сэр, — обратился к нему мистер Оутис, — я вынужден самым настоятельным образом просить вас впредь смазывать ваши цепи, и с этой целью захватил для вас пузырёк машинного масла «Восходящее солнце демократии», известного своим эффективным действием после первого же употребления. На упаковке помещены положительные отзывы наших виднейших священнослужителей, подтверждающие исключительные достоинства этого средства. Я оставляю пузырёк здесь, на столике возле канделябра, и буду рад снабжать вас новыми порциями масла по мере надобности.

No mention at all was made of the supernatural, nor was Sir Simon de Canterville alluded to in any way. At eleven o'clock the family retired, and by half-past all the lights were out.

Some time after, Mr. Otis was awakened by a curious noise in the corridor, outside his room. It sounded like the clank of metal, and seemed to be coming nearer every moment.

He got up at once, struck a match, and looked at the time. It was exactly one o'clock.

He was quite calm, and felt his pulse, which was not at all feverish. The strange noise still continued, and with it he heard distinctly the sound of footsteps. He put on his slippers, took a small oblong phial out of his dressing-case, and opened the door.

Right in front of him he saw, in the wan moonlight, an old man of terrible aspect. His eyes were as red burning coals; long grey hair fell over his shoulders in matted coils; his garments, which were of antique cut, were soiled and ragged, and from his wrists and ankles hung heavy manacles and rusty gyves.

"My dear sir," said Mr. Otis, "I really must insist on your oiling those chains, and have brought you for that purpose a small bottle of the Tammany Rising Sun Lubricator. It is said to be completely efficacious upon one application, and there are several testimonials to that effect on the wrapper from some of our most eminent native divines. I shall leave it here for you by the bedroom candles, and will be happy to supply you with more, should you require it."

The Canterville Ghost

С этими словами посланник Соединённых Штатов поставил флакон на мраморный столик и, закрыв за собой дверь, улёгся в постель.

Кентервильское привидение так и застыло от возмущения. Затем, яростно швырнув флакон на паркет, оно ринулось по коридору, испуская зловещее зелёное сияние и глухо стона.

Но едва оно взобралось по широкой дубовой лестнице наверх, как из распахнувшейся двери выскочили две фигурки в белом, и огромная подушка просвистела у него над головой.

В такой ситуации нельзя было терять ни минуты, и дух, прибегнув к четвёртому пространственному измерению, поспешно ретировался, исчезнув через деревянную стенную панель, после чего в доме всё стало тихо.

Добравшись до потайной каморки в левом крыле замка, призрак прислонился к лунному лучу и, немного отдышавшись, попытался осмыслить сложившееся положение.

Ни разу за всю свою безупречную трехсотлетнюю службу в качестве привидения он не подвергался таким неслыханным оскорблениям.

With these words the United States Minister laid the bottle down on a marble table, and, closing his door, retired to rest.

For a moment the Canterville ghost stood quite motionless in natural indignation; then, dashing the bottle violently upon the polished floor, he fled down the corridor, uttering hollow groans, and emitting a ghastly green light.

Just, however, as he reached the top of the great oak staircase, a door was flung open, two little white-robed figures appeared, and a large pillow whizzed past his head!

There was evidently no time to be lost, so, hastily adopting the Fourth dimension of Space as a means of escape, he vanished through the wainscoting, and the house became quite quiet.

On reaching a small secret chamber in the left wing, he leaned up against a moonbeam to recover his breath, and began to try and realize his position.

Never, in a brilliant and uninterrupted career of three hundred years, had he been so grossly insulted.

Кентервильское привидение

Ему вспомнилось в эту минуту многое: и то, как он насмерть перепугал вдовствующую герцогиню, когда она стояла перед зеркалом, вся в кружевах и бриллиантах; и то, как с четырьмя горничными началась истерика, стоило ему только им улыбнуться из-за портьеры в спальне для гостей; и то, как он задул свечу в руке приходского священника, когда тот поздно ночью выходил из библиотеки, отчего с беднягой случился нервный припадок, и он до сих пор вынужден лечиться у сэра Уильяма Галла [Уильям Уайти Галл (1816—1890) — известный английский невропатолог.]; и то, как старая мадам де Трэмуйак, проснувшись как-то на рассвете и увидев, что в кресле у камина сидит скелет и читает её дневник, слегла на шесть недель с воспалением мозга, а выздоровев, примирилась с церковью и решительно порвала все отношения с известным скептиком мосье де Вольтером.

Он вспомнил также ту страшную ночь, когда злокозненного лорда Кентервиля нашли в гардеробной задыхающимся с бубновым валетом в горле. Умирая, старик признался, что с помощью этой карты он, жульничая, обыграл Чарлза Джеймса Фокса в Крокфордзе [Крокфордз — игорный дом в Лондоне.] на целых пятьдесят тысяч фунтов, и Кентервильское привидение, как он клятвенно уверял, заставило его проглотить меченую карту.

Он вспомнил каждого, кто был жертвой его великих деяний, начиная с дворецкого, который застрелился, увидев, как в окно буфетной стучится чья-то зелёная рука, и кончая прекрасной леди Статфилд, которая вынуждена была постоянно носить чёрную бархатку вокруг шеи, чтобы скрыть отпечатки пяти пальцев на своей белоснежной коже, и в конце концов утопилась в сазановом пруду в конце Королевской аллеи.

He thought of the Dowager Duchess, whom he had frightened into a fit as she stood before the glass in her lace and diamonds; of the four housemaids, who had gone into hysterics when he merely grinned at them through the curtains on one of the spare bedrooms; of the rector of the parish, whose candle he had blown out as he was coming late one night from the library, and who had been under the care of Sir William Gull ever since, a perfect martyr to nervous disorders; and of old Madame de Tremouillac, who, having wakened up one morning early and seen a skeleton seated in an armchair by the fire reading her diary, had been confined to her bed for six weeks with an attack of brain fever, and, on her recovery, had become reconciled to the Church, and broken off her connection with that notorious sceptic, Monsieur de Voltaire.

He remembered the terrible night when the wicked Lord Canterville was found choking in his dressing-room, with the knave of diamonds half-way down his throat, and confessed, just before he died, that he had cheated Charles James Fox out of £50,000 at Crockford's by means of that very card, and swore that the ghost had made him swallow it.

All his great achievements came back to him again, from the butler who had shot himself in the pantry because he had seen a green hand tapping at the window-pane, to the beautiful Lady Stutfield, who was always obliged to wear a black velvet band round her throat to hide the mark of five fingers burnt upon her white skin, and who drowned herself at last in the carp-pond at the end of the King's Walk.

The Canterville Ghost

Испытывая чувство самоупоения, столь хорошо знакомое каждому истинному художнику, он перебирал в уме лучшие сыгранные им роли, и губы его скривились в торжествующей усмешке, когда он вспомнил последнее своё выступление в качестве «Рыжего Рубена, или Задушенного Младенца», а также свой дебют в роли «Тощего Гибеона, кровопийцы с Бекслейского болота». Ему вспомнилось, как одним тихим июньским вечером он произвёл настоящий фурор, когда сыграл на площадке для тенниса партию в кегли, используя для этого кости своего скелета, хотя лично он ничего особенного в этом не видел.

И вот после всего этого в замок заявляются какие-то несчастные американцы, считающие себя ужасно современными, и навязывают ему машинное масло с дурацким названием «Восходящее солнце демократии», да ещё швыряют в него подушками! Это просто невыносимо! История не знает примеров такого обращения с привидениями.

И в нём созрело решение отомстить. Когда наступил рассвет, он всё ещё пребывал в состоянии глубокого раздумья.

Глава третья

На следующее утро, за завтраком, Оутисы говорили главным образом о привидении. Посланник Соединённых Штатов, естественно, был в некоторой мере задет тем, что его подарок отвергли.

— Я не собираюсь причинять привидению никакого вреда, — сказал он, — и должен в этой связи заметить, что швырять подушками в того, кто столько лет обитает в этом доме, крайне невежливо. — (Весьма справедливое замечание, которое, должен с сожалением сообщить, было встречено близнецами громким хохотом).

With the enthusiastic egotism of the true artist, he went over his most celebrated performances, and smiled bitterly to himself as he recalled to mind his last appearance as “Red Reuben, or the Strangled Babe,” his *début* as “Guant Gibeon, the Blood-sucker of Bexley Moor,” and the *furor* he had excited one lovely June evening by merely playing ninepins with his own bones upon the lawn-tennis ground.

And after all this some wretched modern Americans were to come and offer him the Rising Sun Lubricator, and throw pillows at his head! It was quite unbearable. Besides, no ghost in history had ever been treated in this manner.

Accordingly, he determined to have vengeance, and remained till daylight in an attitude of deep thought.

III

The next morning, when the Otis family met at breakfast, they discussed the ghost at some length. The United States Minister was naturally a little annoyed to find that his present had not been accepted.

“I have no wish,” he said, “to do the ghost any personal injury, and I must say that, considering the length of time he has been in the house, I don’t think it is at all polite to throw pillows at him,”—a very just remark, at which, I am sorry to say, the twins burst into shouts of laughter.

Кентервильское привидение

— Тем не менее, — продолжал посланник, — если привидение проявит упрямство и не пожелает воспользоваться машинным маслом «Восходящее солнце демократии», придётся снять с него цепи. Невозможно спать, когда такой грохот у тебя под самой дверью.

Впрочем, до конца недели их никто больше не тревожил, хотя кровавое пятно на полу библиотеки неизменно продолжало появляться каждое утро.

Это было довольно странно, ибо мистер Оутис на ночь всегда запирает библиотечную дверь, а окна закрывались ставнями с крепкими засовами.

Хамелеоноподобное изменение цвета крови также вызывало недоумение. Иногда пятно было тусклого желтовато-красного цвета, иногда алого, иногда пурпурного, а однажды, когда они сошли вниз для семейной молитвы по упрощённому ритуалу Свободной американской реформатской епископальной церкви [Одно из направлений в американской протестантской церкви, отличающееся упрощёнными религиозными обрядами и не признающее иерархии священнослужителей.], пятно оказалось изумрудно-зелёным.

Такого рода калейдоскопические изменения, разумеется, весьма забавляли членов семейства Оутисов, и каждый вечер по этому поводу между ними заключались пари. Лишь юная Вирджиния не находила в этом ничего забавного; всякий раз, увидев кровавое пятно, она почему-то грустнела, а в тот день, когда оно стало изумрудно-зелёным, даже чуть не расплакалась.

Во второй раз привидение появилось в ночь с воскресенья на понедельник. Едва лишь Оутисы улеглись спать, как в холле послышался страшный грохот.

“Upon the other hand,” he continued, “if he really declines to use the Rising Sun Lubricator, we shall have to take his chains from him. It would be quite impossible to sleep, with such a noise going on outside the bedrooms.”

For the rest of the week, however, they were undisturbed, the only thing that excited any attention being the continual renewal of the blood-stain on the library floor.

This certainly was very strange, as the door was always locked at night by Mr. Otis, and the windows kept closely barred.

The chameleon-like colour, also, of the stain excited a good deal of comment. Some mornings it was a dull (almost Indian) red, then it would be vermilion, then a rich purple, and once when they came down for family prayers, according to the simple rites of the Free American Reformed Episcopalian Church, they found it a bright emerald-green.

These kaleidoscopic changes naturally amused the party very much, and bets on the subject were freely made every evening. The only person who did not enter into the joke was little Virginia, who, for some unexplained reason, was always a good deal distressed at the sight of the blood-stain, and very nearly cried the morning it was emerald-green.

The second appearance of the ghost was on Sunday night. Shortly after they had gone to bed they were suddenly alarmed by a fearful crash in the hall.

The Canterville Ghost

Выбежав из своих спален, они бросились вниз и увидели, что там на каменном полу валяются упавшие с пьедестала огромные рыцарские доспехи, а в кресле с высокой спинкой сидит Кентервильское привидение и, морщась от боли, потирает колени.

Близнецы с той поразительной меткостью, которую можно приобрести, лишь долго и старательно практикуясь на особе учителя чистописания, тотчас же выпустили в привидение по заряду из трубочек для стрельбы горохом, которые они предусмотрительно захватили с собой, а посланник Соединённых Штатов наставил на него револьвер и, в полном соответствии с калифорнийскими правилами хорошего тона, скомандовал: «Руки вверх!».

Дух издал яростный вопль и, вскочив на ноги, пронёсся между ними, словно гонимый ветром сгусток тумана, погасив у Вашингтона свечу и оставив их всех в крошечной темноте.

Достигнув верхней площадки лестницы, он, отдышавшись и придя в себя, решил продемонстрировать свой знаменитый дьявольский хохот, который выручал его в стольких случаях.

Поговаривали, что от этих звуков за ночь поседел парик лорда Рейкера, а три французские гувернантки леди Кентервиль заявили о своём уходе, не прослужив в замке и месяца.

И он разразился самым своим жутким хохотом, долго ещё гудевшим под старыми сводами замка. Но не успело смолкнуть страшное эхо, как отворилась дверь, и на пороге появилась миссис Оутис в бледно-голубом халате.

— Мне кажется, вам нездоровится, — сказала она, — так что я принесла вам микстуру доктора Добелла. Думаю, всё дело в несварении желудка, и вы сами увидите, как это лекарство вам отлично поможет.

Rushing down-stairs, they found that a large suit of old armour had become detached from its stand, and had fallen on the stone floor, while seated in a high-backed chair was the Canterville ghost, rubbing his knees with an expression of acute agony on his face.

The twins, having brought their pea-shooters with them, at once discharged two pellets on him, with that accuracy of aim which can only be attained by long and careful practice on a writing-master, while the United States Minister covered him with his revolver, and called upon him, in accordance with Californian etiquette, to hold up his hands!

The ghost started up with a wild shriek of rage, and swept through them like a mist, extinguishing Washington Otis's candle as he passed, and so leaving them all in total darkness.

On reaching the top of the staircase he recovered himself, and determined to give his celebrated peal of demoniac laughter. This he had on more than one occasion found extremely useful.

It was said to have turned Lord Raker's wig grey in a single night, and had certainly made three of Lady Canterville's French governesses give warning before their month was up.

He accordingly laughed his most horrible laugh, till the old vaulted roof rang and rang again, but hardly had the fearful echo died away when a door opened, and Mrs. Otis came out in a light blue dressing-gown.

"I am afraid you are far from well," she said, "and have brought you a bottle of Doctor Dobell's tincture. If it is indigestion, you will find it a most excellent remedy."

Кентервильское привидение

Призрак метнул на неё яростный взгляд и тут же собрался превращаться в большую чёрную собаку — этот трюк принёс ему заслуженную славу и явился, по мнению домашнего врача Кентервилей, причиной неизлечимого слабоумия дядюшки лорда Кентервиля, достопочтенного Томаса Хортон.

Но звук приближающихся шагов заставил его отказаться от этого коварного намерения, так что ему пришлось удовольствоваться тем, что он стал слабо фосфоресцировать, и, когда близнецы подбежали к нему, он исчез, испустив леденящий душу кладбищенский стон.

Добравшись до своего убежища, он почувствовал себя совершенно сломленным, и им овладело беспредельное отчаяние.

Невоспитанность близнецов и грубый материализм миссис Оутис были, конечно, и сами по себе крайне оскорбительными, но больше всего его огорчало то, что ему не удалось облечься в доспехи.

Он полагал, что даже эти современные американцы будут повергнуты в трепет, когда перед ними предстанет Призрак в латах, — ну хотя бы из уважения к своему национальному поэту Лонгфелло, над чьей изящной, притягательной поэзией он просиживал целыми часами, когда Кентервилы переезжали в город. К тому же латы эти были его собственными.

Он выглядел в них очень эффектно на турнире в Кенилворте и даже удостоился нескольких лестных слов в свой адрес от самой королевы-девственницы [Имеется в виду Елизавета I (1533—1603)].

Но, надев их теперь, спустя столько времени, он почувствовал, что массивный нагрудник и стальной шлем слишком тяжелы для него, и, не выдержав их веса, рухнул на каменный пол, ссадив себе оба колена и больно ушибив пальцы правой руки.

The ghost glared at her in fury, and began at once to make preparations for turning himself into a large black dog, an accomplishment for which he was justly renowned, and to which the family doctor always attributed the permanent idiocy of Lord Canterville's uncle, the Hon. Thomas Horton.

The sound of approaching footsteps, however, made him hesitate in his fell purpose, so he contented himself with becoming faintly phosphorescent, and vanished with a deep churchyard groan, just as the twins had come up to him.

On reaching his room he entirely broke down, and became a prey to the most violent agitation.

The vulgarity of the twins, and the gross materialism of Mrs. Otis, were naturally extremely annoying, but what really distressed him most was that he had been unable to wear the suit of mail.

He had hoped that even modern Americans would be thrilled by the sight of a Spectre in armour, if for no more sensible reason, at least out of respect for their natural poet Longfellow, over whose graceful and attractive poetry he himself had whiled away many a weary hour when the Cantervilles were up in town. Besides it was his own suit.

He had worn it with great success at the Kenilworth tournament, and had been highly complimented on it by no less a person than the Virgin Queen herself.

Yet when he had put it on, he had been completely overpowered by the weight of the huge breastplate and steel casque, and had fallen heavily on the stone pavement, barking both his knees severely, and bruising the knuckles of his right hand.

The Canterville Ghost

После этого он несколько дней чувствовал себя больным и совсем не выходил из комнаты — разве что ночью, для поддержания в должном порядке кровавого пятна.

Но благодаря умелому самоврачеванию он поправился и решил, что попробует напугать американского посланника и членов его семьи в третий раз.

Для своего появления он выбрал пятницу семнадцатого августа и весь этот день до самого наступления темноты перебирал свой гардероб, остановив наконец выбор на высокой широкополой шляпе с красным пером, саване с рюшками на рукавах и у ворота и заржавленном кинжале.

К вечеру началась гроза, и ветер так бушевал, что сотрясались и гремели все окна и двери старого дома. Впрочем, такая погода была для него как раз то, что надо. План его заключался в следующем.

Для начала он тихонько проберётся в комнату Вашингтона Оутиса, даст ему собою полюбоваться, некоторое время постояв в ногах его кровати и бормоча что-нибудь нечленораздельное, а затем под звуки заунывной музыки трижды пронзит себе горло кинжалом.

К Вашингтону он испытывал особую неприязнь, так как прекрасно знал, что именно этот юнец имеет скверную привычку стирать своим «образцовым очистителем» знаменитое Кентервильское кровавое пятно.

Приведя этого безрассудного и непочтительного молодого человека в состояние полной прострации, он проследует затем в супружескую опочивальню посланника Соединённых Штатов и возложит свою холодную влажную руку на лоб миссис Оутис, в то же время хрипло нащёптывая её дрожащему от ужаса мужу жуткие тайны фамильного склепа.

For some days after this he was extremely ill, and hardly stirred out of his room at all, except to keep the blood-stain in proper repair.

However, by taking great care of himself, he recovered, and resolved to make a third attempt to frighten the United States Minister and his family.

He selected Friday, August 17th, for his appearance, and spent most of that day in looking over his wardrobe, ultimately deciding in favour of a large slouched hat with a red feather, a winding-sheet frilled at the wrists and neck, and a rusty dagger.

Towards evening a violent storm of rain came on, and the wind was so high that all the windows and doors in the old house shook and rattled. In fact, it was just such weather as he loved. His plan of action was this.

He was to make his way quietly to Washington Otis's room, gibber at him from the foot of the bed, and stab himself three times in the throat to the sound of low music.

He bore Washington a special grudge, being quite aware that it was he who was in the habit of removing the famous Canterville blood-stain by means of Pinkerton's Paragon Detergent.

Having reduced the reckless and foolhardy youth to a condition of abject terror, he was then to proceed to the room occupied by the United States Minister and his wife, and there to place a clammy hand on Mrs. Otis's forehead, while he hissed into her trembling husband's ear the awful secrets of the charnel-house.

Кентервильское привидение

Насчёт маленькой Вирджинии он пока ничего определённого не придумал. Она ни разу его не обидела и, кроме того, была очень славной и доброй девочкой.

Пожалуй, будет достаточно обойтись парой-другой глухих стонов из шкафа, а если она не проснётся, он подёргает дрожащими скрюченными пальцами за её одеяло.

А вот близнецов он проучит как следует. Первым делом он усядется им на грудь, дабы из-за нехватки воздуха их стали мучить кошмары.

Затем, поскольку кровати их стоят совсем рядом, он расположится между ними, приняв облик зелёного холодного трупа, и не сдвинется с места до тех пор, пока их окончательно не парализует страх. Тогда он сбросит саван и, обнажив свои белые кости, примется, вращая одним глазом, ползать по комнате, изображая «Онемевшего Даниила, или Скелета-самоубийцу». Это была эффектная роль, всегда производившая очень сильное впечатление, — ничуть не хуже его знаменитого «Безумного Мартина, или Неразгаданной Тайны».

В половине одиннадцатого вся семья, как можно было судить по звукам, отправилась спать. Но ещё какое-то время из спальни близнецов доносились дикие взрывы хохота — как видно, мальчишки со свойственной школьникам беззаботностью резвились, перед тем как лечь в постель. В четверть двенадцатого в доме наконец воцарилась полная тишина, и, как только пробило полночь, он отправился выполнять свою благородную миссию.

О стёкла билась сова, ворон каркал на верхушке старого тиса, ветер блуждал вокруг дома, стеная, словно неприкаянная душа. Но Оутисы спали спокойно, не подозревая о том, какое их ждёт испытание, и ветру с дождём не удавалось заглушить ритмичное похрапывание посланника Соединённых Штатов.

With regard to little Virginia, he had not quite made up his mind. She had never insulted him in any way, and was pretty and gentle.

A few hollow groans from the wardrobe, he thought, would be more than sufficient, or, if that failed to wake her, he might grabble at the counterpane with palsy-twitching fingers.

As for the twins, he was quite determined to teach them a lesson. The first thing to be done was, of course, to sit upon their chests, so as to produce the stifling sensation of nightmare.

Then, as their beds were quite close to each other, to stand between them in the form of a green, icy-cold corpse, till they became paralyzed with fear, and finally, to throw off the winding-sheet, and crawl round the room, with white, bleached bones and one rolling eyeball, in the character of “Dumb Daniel, or the Suicide’s Skeleton,” a *rôle* in which he had on more than one occasion produced a great effect, and which he considered quite equal to his famous part of “Martin the Maniac, or the Masked Mystery.”

At half-past ten he heard the family going to bed. For some time he was disturbed by wild shrieks of laughter from the twins, who, with the light-hearted gaiety of schoolboys, were evidently amusing themselves before they retired to rest, but at a quarter-past eleven all was still, and, as midnight sounded, he sallied forth.

The owl beat against the window-panes, the raven croaked from the old yew-tree, and the wind wandered moaning round the house like a lost soul; but the Otis family slept unconscious of their doom, and high above the rain and storm he could hear the steady snoring of the Minister for the United States.

The Canterville Ghost

Призрак с жуткой усмешкой на сморщенных губах осторожно выступил из дубовой стеной панели, и вскоре, как раз в тот момент, когда он крался мимо огромного эркерного окна, украшенного золотисто-голубыми фамильными гербами — его собственным и убитой им супруги, — круглый лик луны скрылся за облаком.

Всё дальше и дальше скользил он зловещей тенью, и даже ночному мраку он, казалось, внушал отвращение.

Вдруг ему почудилось, что кто-то его окликнул, и он замер на месте, но это был всего лишь лай собаки на Красной ферме. И он отправился дальше, бормоча под нос причудливые средневековые ругательства и беспрестанно размахивая ржавым кинжалом.

Наконец он добрался до того места, откуда начинался коридор, ведущий в комнату несчастного Вашингтона. Там он на минутку остановился, чтобы передохнуть. Гулявший по дому ветер развеивал его седые космы и трепал могильный саван, придавая ткани причудливые, фантастические очертания.

Часы пробили четверть, и он почувствовал, что дальше медлить нельзя. Удовлетворённо хихикнув, он повернул за угол, но тут же с жалостным воплем отшатнулся и закрыл побелевшее от ужаса лицо длинными костлявыми руками.

Прямо перед ним стоял страшный призрак, неподвижный, точно каменное изваяние, и чудовищно безобразный, словно приснившийся безумцу кошмар.

Голова его была увенчана лоснящейся лысиной, лицо у него было круглое, толстое, мертвенно-бледное, с застывшей на нём отвратительной улыбкой.

He stepped stealthily out of the wainscoting, with an evil smile on his cruel, wrinkled mouth, and the moon hid her face in a cloud as he stole past the great oriel window, where his own arms and those of his murdered wife were blazoned in azure and gold.

On and on he glided, like an evil shadow, the very darkness seeming to loathe him as he passed.

Once he thought he heard something call, and stopped; but it was only the baying of a dog from the Red Farm, and he went on, muttering strange sixteenth-century curses, and ever and anon brandishing the rusty dagger in the midnight air.

Finally he reached the corner of the passage that led to luckless Washington's room. For a moment he paused there, the wind blowing his long grey locks about his head, and twisting into grotesque and fantastic folds the nameless horror of the dead man's shroud.

Then the clock struck the quarter, and he felt the time was come. He chuckled to himself, and turned the corner; but no sooner had he done so than, with a piteous wail of terror, he fell back, and hid his blanched face in his long, bony hands.

Right in front of him was standing a horrible spectre, motionless as a carven image, and monstrous as a madman's dream!

Its head was bald and burnished; its face round, and fat, and white; and hideous laughter seemed to have writhed its features into an eternal grin.

Кентервильское привидение

Глаза его излучали ярко-красный свет, рот был словно широкий колодец, в недрах которого полыхал огонь, а безобразное одеяние, подобное его собственному, белоснежным саваном окутывало массивную фигуру.

На груди у призрака висела табличка с неразборчивой в темноте надписью, начертанной старинными буквами. О страшном позоре, должно быть, вещала она, о грязных пороках и диких злодействах. Его поднятая правая рука держала блестящий меч.

Дух Кентервиля, никогда раньше не видевший других привидений, естественно, до смерти перепугался. Бросив ещё один беглый взгляд на страшного призрака, он бросился наутёк к себе в комнату. Он бежал по коридору, не чуя под собой ног, путаясь в складках савана, и по дороге уронил свой ржавый кинжал в сапог посланника, в котором поутру он и был найден дворецким.

Добравшись до своей комнаты, он бросился на убогое ложе и спрятал голову под одеяло. Но скоро в нём пробудился тот бравый дух, которым испокон веков гордились все Кентервиля, и он решил прямо с утра пойти поговорить с другим привидением.

И вот, едва лишь рассвет коснулся своим серебром холмов, он поспешил на то место, где ему встретился напугавший его призрак; после долгих размышлений он пришёл к выводу, что, в конце концов, два привидения лучше, чем одно, и что с его новым другом ему будет легче управиться с близнецами.

Увы, когда он туда добрался, его взору открылось страшное зрелище. Было очевидно, что с призраком случилось какое-то несчастье. Свет погас в его пустых глазницах, блестящий меч выпал из его рук, и он стоял, опираясь на стенку в какой-то напряжённой и неестественной позе.

From the eyes streamed rays of scarlet light, the mouth was a wide well of fire, and a hideous garment, like to his own, swathed with its silent snows the Titan form.

On its breast was a placard with strange writing in antique characters, some scroll of shame it seemed, some record of wild sins, some awful calendar of crime, and, with its right hand, it bore aloft a falchion of gleaming steel.

Never having seen a ghost before, he naturally was terribly frightened, and, after a second hasty glance at the awful phantom, he fled back to his room, tripping up in his long winding-sheet as he sped down the corridor, and finally dropping the rusty dagger into the Minister's jack-boots, where it was found in the morning by the butler.

Once in the privacy of his own apartment, he flung himself down on a small pallet-bed, and hid his face under the clothes. After a time, however, the brave old Canterville spirit asserted itself, and he determined to go and speak to the other ghost as soon as it was daylight.

Accordingly, just as the dawn was touching the hills with silver, he returned towards the spot where he had first laid eyes on the grisly phantom, feeling that, after all, two ghosts were better than one, and that, by the aid of his new friend, he might safely grapple with the twins.

On reaching the spot, however, a terrible sight met his gaze. Something had evidently happened to the spectre, for the light had entirely faded from its hollow eyes, the gleaming falchion had fallen from its hand, and it was leaning up against the wall in a strained and uncomfortable attitude.

The Canterville Ghost

Кентервильское привидение подбежало к нему и обхватило его руками, и в этот момент голова призрака — о, ужас! — внезапно соскочила с плеч и покатила по полу, туловище обмякло, и оказалось, что он прижимает к себе всего лишь белый канифасный полог, а у ног его валяются метла, кухонный нож и пустая тыква.

Не зная, как объяснить это странное превращение, он дрожащими руками поднял с пола табличку с надписью и при сером утреннем свете прочёл следующие слова:

ОУТИССКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Единственное воистину подлинное привидение.
Остерегайтесь подделок!
Все остальные — не настоящие.

Тут только его озарило. Его одурачили, перехитрили, обвели вокруг пальца!

В глазах его появилось обычное для Кентервилей выражение; он заскрежетал беззубыми дёснами и, воздев к небу высохшие руки, поклялся, прибегнув к живописнейшим образцам старинной стилистики, что, не успеет Шантеклер [Шантеклер — имя петуха в памятнике средневекового эпоса «Роман о Ренаре». Далее в тексте это возвышенное название юмористически противопоставляется обыденному названию «петух» и даже уничижительным словам «жалкая птица».] дважды протрубить в свой громогласный рог, как свершатся кровавые дела, и Убийство неслышными шагами войдёт в этот дом.

Едва он произнёс это страшное заклинание, как с красной черепичной крыши отдалённого фермерского дома донёсся крик петуха. Призрак разразился негромким, продолжительным, злорадным смехом и стал терпеливо ждать.

He rushed forward and seized it in his arms, when, to his horror, the head slipped off and rolled on the floor, the body assumed a recumbent posture, and he found himself clasping a white dimity bed-curtain, with a sweeping-brush, a kitchen cleaver, and a hollow turnip lying at his feet!

Unable to understand this curious transformation, he clutched the placard with feverish haste, and there, in the grey morning light, he read these fearful words:

YE OTIS GHOSTE

Ye Onlie True and Originale Spook,
Beware of Ye Imitationes.
All others are counterfeite.

The whole thing flashed across him. He had been tricked, foiled, and out-witted!

The old Canterville look came into his eyes; he ground his toothless gums together; and, raising his withered hands high above his head, swore according to the picturesque phraseology of the antique school, that, when Chanticleer had sounded twice his merry horn, deeds of blood would be wrought, and murder walk abroad with silent feet.

Hardly had he finished this awful oath when, from the red-tiled roof of a distant homestead, a cock crew. He laughed a long, low, bitter laugh, and waited.

Кентервильское привидение

Он ждал час, он ждал два, но петух по какой-то непонятной причине не спешил петь второй раз. Наконец, когда в половине восьмого пришли горничные, ему ничего не оставалось как оставить своё тревожное бдение, и он крадучись отправился восвояси, горя о несбывшихся планах и напрасных надеждах.

Оказавшись у себя в комнате, он принялся перелистывать книги о давнем рыцарстве — а это было его любимым чтением, — и в них было ясно сказано, что всякий раз, когда произносится это заклинание, должен дважды пропеть петух.

— Будь проклята эта жалкая птица! — пробормотал он. — Рано или поздно наступит тот день, когда верное моё копьё пронзит ей глотку и заставит её прокричать, но криком уже предсмертным!

После этого он улёгся в свой удобный свинцовый гроб и оставался там до самой темноты.

Глава четвёртая

Наутро призрак чувствовал себя совсем разбитым. Начали сказываться ужасные треволения последних четырёх недель.

Нервы его были вконец расшатаны, и он вздрагивал от малейшего шороха. Целых пять дней не выходил он из комнаты и в конце концов принял решение больше не обновлять кровавого пятна на полу в библиотеке.

Если оно Оутисам не нужно, значит, они его не заслуживают. Они явно из тех людей, которые довольствуются самым низким, а иначе говоря, материальным уровнем существования и совершенно не способны оценить символическое значение явлений чувственного характера.

Hour after hour he waited, but the cock, for some strange reason, did not crow again. Finally, at half-past seven, the arrival of the housemaids made him give up his fearful vigil, and he stalked back to his room, thinking of his vain oath and baffled purpose.

There he consulted several books of ancient chivalry, of which he was exceedingly fond, and found that, on every occasion on which this oath had been used, Chanticleer had always crowed a second time.

“Perdition seize the naughty fowl,” he muttered, “I have seen the day when, with my stout spear, I would have run him through the gorge, and made him crow for me an ’twere in death!”

He then retired to a comfortable lead coffin, and stayed there till evening.

IV

The next day the ghost was very weak and tired. The terrible excitement of the last four weeks was beginning to have its effect.

His nerves were completely shattered, and he started at the slightest noise. For five days he kept his room, and at last made up his mind to give up the point of the blood-stain on the library floor.

If the Otis family did not want it, they clearly did not deserve it. They were evidently people on a low, material plane of existence, and quite incapable of appreciating the symbolic value of sensuous phenomena.

The Canterville Ghost

Что касается чисто теоретических вопросов, связанных с существованием призраков или, скажем, с различными фазами развития астральных тел, то это была особая сфера, находившаяся, по правде говоря, за пределами его компетенции.

Он знал лишь одно: у него есть священный долг хотя бы раз в неделю появляться в коридоре, а в первую и третью среду каждого месяца нечленораздельно бормотать, сидя у большого окна в эркере, и он не представлял себе, как без урона для своей чести он мог бы отказаться от этих обязанностей.

И хотя земную свою жизнь он прожил крайне безнравственно, в потустороннем мире он проявлял во всём поразительную добросовестность.

И в соответствии с этим следующие три субботы он, как всегда, с полуночи до трёх ночи совершал обход коридоров, всячески заботясь о том, чтобы его никто не увидел и не услышал.

Обувь свою он оставлял теперь в комнате, стараясь ступать по источенному червями дощатому полу как можно тише, облачался в широкую чёрную бархатную мантию и никогда не забывал самым тщательным образом смазывать свои цепи машинным маслом «Восходящее солнце демократии».

Должен, однако, заметить, что ему было совсем нелегко заставить себя прибегнуть к названному средству защиты от ржавчины.

И всё же как-то вечером, когда семья сидела за обедом, он пробрался в спальню к мистеру Оутису и стащил пузырёк с маслом.

Поначалу он чувствовал себя слегка униженным, но очень скоро вынужден был признать, что изобретение это и в самом деле бесполезно и неплохо ему помогает.

The question of phantasmic apparitions, and the development of astral bodies, was of course quite a different matter, and really not under his control.

It was his solemn duty to appear in the corridor once a week, and to gibber from the large oriel window on the first and third Wednesdays in every month, and he did not see how he could honourably escape from his obligations.

It is quite true that his life had been very evil, but, upon the other hand, he was most conscientious in all things connected with the supernatural.

For the next three Saturdays, accordingly, he traversed the corridor as usual between midnight and three o'clock, taking every possible precaution against being either heard or seen.

He removed his boots, trod as lightly as possible on the old worm-eaten boards, wore a large black velvet cloak, and was careful to use the Rising Sun Lubricator for oiling his chains.

I am bound to acknowledge that it was with a good deal of difficulty that he brought himself to adopt this last mode of protection.

However, one night, while the family were at dinner, he slipped into Mr. Otis's bedroom and carried off the bottle.

He felt a little humiliated at first, but afterwards was sensible enough to see that there was a great deal to be said for the invention, and, to a certain degree, it served his purpose.

Кентервильское привидение

Несмотря на все эти меры предосторожности, его не оставляли в покое.

Поперёк коридора постоянно протягивались верёвки, и он то и дело падал, цепляясь за них, а однажды, совершая свой обход в облачении «Чёрного Исаака, или Охотника из Хоглейского леса», он поскользнулся и сильно расшибся, так как близнецы намазали пол жиром, начиная от входа в Гобеленовый зал и кончая верхней площадкой дубовой лестницы.

Эта гнусная проделка настолько его разгневала, что он решил предпринять ещё одну, и окончательную, попытку защитить своё поправное достоинство и высокий статус Кентервильского привидения, представ следующей же ночью перед дерзкими воспитанниками Итона в своём любимом образе «Отважного Руперта, или Графа Без Головы».

Он не выступал в этой роли уже более чем семьдесят лет — собственно, с тех самых пор, как до того напугал прелестную леди Барбару Моудиш, что она неожиданно расторгла помолвку с дедом нынешнего лорда Кентервиля и сбежала в Гретна-Грин [Гретна-Грин — пограничная с Англией шотландская деревня, где ранее заключались браки между приезжавшими из Англии молодыми парами; в Гретна-Грин бракосочетание совершалось без соблюдения установленных английским законом формальностей, а учитывалось лишь желание жениха и невесты стать мужем и женой.] с красавцем Джеком Каслтоном, заявив, что ни за какие коврижки не выйдет замуж за человека, семья которого позволяет таким кошмарным привидениям разгуливать в сумерках по террасе.

Still in spite of everything he was not left unmolested.

Strings were continually being stretched across the corridor, over which he tripped in the dark, and on one occasion, while dressed for the part of “Black Isaac, or the Huntsman of Hogley Woods,” he met with a severe fall, through treading on a butter-slide, which the twins had constructed from the entrance of the Tapestry Chamber to the top of the oak staircase.

This last insult so enraged him, that he resolved to make one final effort to assert his dignity and social position, and determined to visit the insolent young Etonians the next night in his celebrated character of “Reckless Rupert, or the Headless Earl.”

He had not appeared in this disguise for more than seventy years; in fact, not since he had so frightened pretty Lady Barbara Modish by means of it, that she suddenly broke off her engagement with the present Lord Canterville’s grandfather, and ran away to Gretna Green with handsome Jack Castletown, declaring that nothing in the world would induce her to marry into a family that allowed such a horrible phantom to walk up and down the terrace at twilight.

The Canterville Ghost

Бедняга Джек вскоре после этого погиб от пули лорда Кентервиля на дуэли, состоявшейся на Уондсвортском лугу, а леди Барбара, сердце которой не выдержало утраты, менее чем через год умерла в Тенбридж-Уэллсе [Тенбридж-Уэллс — курортный городок с минеральными источниками к югу от Лондона.]. Так что можно с уверенностью утверждать, что выступление Кентервильского привидения во всех отношениях имело грандиозный успех.

Однако для этой роли требовался чрезвычайно сложный грим (если, конечно, можно применить такой сугубо театральный термин по отношению к одной из величайших загадок сверхъестественного мира, или, выражаясь по-научному, «естественного мира высшего порядка»), и ему пришлось потратить добрых три часа на приготовления.

Наконец всё было закончено, и он остался очень доволен своим видом.

Правда, большие кожаные ботфорты, которые являлись неотъемлемой частью этого костюма, были ему великоваты, а один из седельных пистолетов куда-то запропастился, но в целом, как ему казалось, наряд на нём выглядел превосходно. Ровно в четверть второго он выскользнул из стеной панели и стал красться по коридору.

Добравшись до комнаты близнецов (она, должен упомянуть, называлась «Голубой спальней», по цвету портьер и обоев), он обнаружил, что дверь слегка приоткрыта.

Желая как можно эффектнее обставить своё появление, он широко распахнул её, и в тот же миг на него упал тяжёлый кувшин с водой, пролетев мимо его левого плеча в каких-то нескольких дюймах, но успев обрушить на него целое море воды, так что на нём и сухой нитки не осталось. Тут же из-под балдахина широкой кровати раздались взрывы сдавленного хохота.

Poor Jack was afterwards shot in a duel by Lord Canterville on Wandsworth Common, and Lady Barbara died of a broken heart at Tunbridge Wells before the year was out, so, in every way, it had been a great success.

It was, however an extremely difficult “make-up,” if I may use such a theatrical expression in connection with one of the greatest mysteries of the supernatural, or, to employ a more scientific term, the higher-natural world, and it took him fully three hours to make his preparations.

At last everything was ready, and he was very pleased with his appearance.

The big leather riding-boots that went with the dress were just a little too large for him, and he could only find one of the two horse-pistols, but, on the whole, he was quite satisfied, and at a quarter-past one he glided out of the wainscoting and crept down the corridor.

On reaching the room occupied by the twins, which I should mention was called the Blue Bed Chamber, on account of the colour of its hangings, he found the door just ajar.

Wishing to make an effective entrance, he flung it wide open, when a heavy jug of water fell right down on him, wetting him to the skin, and just missing his left shoulder by a couple of inches. At the same moment he heard stifled shrieks of laughter proceeding from the four-post bed.

Кентервильское привидение

Потрясение для его нервной системы было столь велико, что он опрометью кинулся в свою комнату, а на следующий день слёг от жестокой простуды.

Хорошо ещё, что он оставил голову в комнате, а то не обошлось бы без тяжёлых осложнений для его ослабленного организма.

После этого он оставил всякую надежду запугать этих нецивилизованных американцев и, как правило, довольствовался тем, что бродил по коридорам в войлочных комнатных туфлях, замотав шею толстым красным шарфом от сквозняков и не выпуская маленькой аркебузы [Аркебуза (или аркебуз) — старинное фитильное ружьё, заряжаемое с дула.] из рук на случай нападения близнецов.

Последний удар был нанесён ему девятнадцатого сентября.

Он спустился в огромный холл замка, уверенный, что там уж его не потревожат в такой поздний час, и забавлял себя тем, что изощрялся в насмешливых замечаниях в адрес посланника Соединённых Штатов и его супруги, изображённых на сделанных у Сарони [Наполеон Сарони (1821—1896) — американский фотограф, литограф и художник.] больших фотографиях, заменивших фамильные портреты Кентервилей.

Он был просто, но аккуратно одет в длинный саван, кое-где побитый могильной плесенью, нижняя его челюсть была подвязана жёлтой косынкой, а в руке он держал небольшой фонарь и заступ, какими пользуются могильщики.

The shock to his nervous system was so great that he fled back to his room as hard as he could go, and the next day he was laid up with a severe cold.

The only thing that at all consoled him in the whole affair was the fact that he had not brought his head with him, for, had he done so, the consequences might have been very serious.

He now gave up all hope of ever frightening this rude American family, and contented himself, as a rule, with creeping about the passages in list slippers, with a thick red muffler round his throat for fear of draughts, and a small arquebuse, in case he should be attacked by the twins.

The final blow he received occurred on the 19th of September.

He had gone down-stairs to the great entrance-hall, feeling sure that there, at any rate, he would be quite unmolested, and was amusing himself by making satirical remarks on the large Saroni photographs of the United States Minister and his wife which had now taken the place of the Canterville family pictures.

He was simply but neatly clad in a long shroud, spotted with churchyard mould, had tied up his jaw with a strip of yellow linen, and carried a small lantern and a sexton's spade.

The Canterville Ghost

Собственно говоря, он был одет как «Иона Непогребенный, или Похититель Трупов с Чертсейского Гумна» — один из лучших его образов, который Кентервилли имели все основания надолго запомнить, поскольку именно из-за блестящего исполнения им этой роли они навсегда разругались со своим соседом лордом Раффордом.

Было около четверти третьего, и в доме, насколько он мог судить, царил полная тишина.

Но когда он пробирался к библиотеке, чтобы взглянуть, остались ли от кровавого пятна хоть какие-нибудь следы, из тёмного угла внезапно бросились на него две фигуры и, остервенело размахивая руками над головой, завопили ему в самое ухо: «У-у-у!»

Охваченный паническим страхом, вполне объяснимым в таких обстоятельствах, он бросился к лестнице, но там его подкарауливал Вашингтон с большим садовым опрыскивателем. Видя, что враги окружили его со всех сторон и деваться ему некуда, он юркнул в большую железную печь, которая, к счастью, в эту ночь не топилась, и по дымоходу пробрался в свою каморку, ужасно грязный, растрёпанный и исполненный отчаяния.

После этого он больше не делал своих ночных вылазок. Близнецы некоторое время продолжали устраивать на него засады и каждый вечер, к великому неудовольствию родителей и прислуги, посыпали пол в коридоре ореховой скорлупой, но безрезультатно.

Не было сомнений — призрак чувствовал себя настолько обиженным, что не желал являться обитателям дома.

In fact, he was dressed for the character of “Jonas the Graveless, or the Corpse-Snatcher of Chertsey Barn,” one of his most remarkable impersonations, and one which the Cantervilles had every reason to remember, as it was the real origin of their quarrel with their neighbour, Lord Rufford.

It was about a quarter-past two o'clock in the morning, and, as far as he could ascertain, no one was stirring.

As he was strolling towards the library, however, to see if there were any traces left of the blood-stain, suddenly there leaped out on him from a dark corner two figures, who waved their arms wildly above their heads, and shrieked out “BOO!” in his ear.

Seized with a panic, which, under the circumstances, was only natural, he rushed for the staircase, but found Washington Otis waiting for him there with the big garden-syringe, and being thus hemmed in by his enemies on every side, and driven almost to bay, he vanished into the great iron stove, which, fortunately for him, was not lit, and had to make his way home through the flues and chimneys, arriving at his own room in a terrible state of dirt, disorder, and despair.

After this he was not seen again on any nocturnal expedition. The twins lay in wait for him on several occasions, and strewed the passages with nutshells every night to the great annoyance of their parents and the servants, but it was of no avail.

It was quite evident that his feelings were so wounded that he would not appear.

Кентервильское привидение

В результате мистер Оутис счёл возможным снова усесться за свой объёмистый труд по истории Демократической партии США, над которым работал уже много лет; миссис Оутис устроила великолепный пикник на морском берегу, поразивший всё графство; мальчики отдались увлечению лакроссом [Лакросс — канадская национальная игра в мяч, распространённая также и в США.], юкером [Юкер — карточная игра.], покером и другими американскими национальными играми, а Вирджиния каталась по аллеям на пони в сопровождении юного герцога Чеширского, проводившего в Кентервильском замке последнюю неделю своих каникул.

Все решили, что привидение покинуло замок, и мистер Оутис даже написал об этом лорду Кентервилю, который в ответном письме выразил на сей счёт свою радость и попросил поздравить от его имени с этим приятным событием достойную супругу посланника.

Однако Оутисы ошибались, ибо привидение никуда не исчезало из замка и, хотя превратилось теперь чуть ли не в инвалида, всё же не думало оставлять их в покое, особенно когда ему стало известно, что среди гостей находится юный герцог Чеширский, двоюродный внук того самого лорда Фрэнсиса Стилтона, который однажды поспорил с полковником Карбери на сто гиней, что сыграет в кости с Кентервильским привидением, а утром был найден на полу ломберной полностью разбитым параличом. Хотя лорд Стилтон и дожил до самых преклонных лет, после этого случая он мог произносить всего лишь два слова: «шестёрка дубль».

Mr. Otis consequently resumed his great work on the history of the Democratic Party, on which he had been engaged for some years; Mrs. Otis organized a wonderful clam-bake, which amazed the whole county; the boys took to lacrosse euchre, poker, and other American national games, and Virginia rode about the lanes on her pony, accompanied by the young Duke of Cheshire, who had come to spend the last week of his holidays at Canterville Chase.

It was generally assumed that the ghost had gone away, and, in fact, Mr. Otis wrote a letter to that effect to Lord Canterville, who, in reply, expressed his great pleasure at the news, and sent his best congratulations to the Minister's worthy wife.

The Otises, however, were deceived, for the ghost was still in the house, and though now almost an invalid, was by no means ready to let matters rest, particularly as he heard that among the guests was the young Duke of Cheshire, whose grand-uncle, Lord Francis Stilton, had once bet a hundred guineas with Colonel Carbury that he would play dice with the Canterville ghost, and was found the next morning lying on the floor of the card-room in such a helpless paralytic state that, though he lived on to a great age, he was never able to say anything again but "Double Sixes."

The Canterville Ghost

История эта в своё время наделала много шума, даром что из уважения к чувствам обеих благородных семей её всячески старались замять. Подробный рассказ обо всех обстоятельствах происшествия можно найти в третьем томе сочинения лорда Тэттла «Воспоминания о принце-регенте и его друзьях».

Призраку, естественно, хотелось доказать, что он не утратил прежнего влияния на Стилтонов, с которыми к тому же состоял в дальнем родстве: его кузина была замужем *en secondes nocces* [Вторым браком (фр.).] за сэром де Балкли, а от него, как известно, ведут свой род герцоги Чеширские.

Он даже сделал необходимые приготовления к тому, чтобы явиться перед юным поклонником Вирджинии в столь удававшемся ему образе «Монаха-вампира, или Обескровленного Бенедиктинца [Бенедиктинцы — католический монашеский орден, основанный в начале VI века.]». Он был так страшен в этой роли, что когда его однажды, в роковой вечер под новый 1764 год, увидела старая леди Стартап, с ней, после того как она издала несколько истошных криков, случился апоплексический удар. Через три дня она скончалась, успев лишить Кентервилей, своих ближайших родственников, наследства, поскольку оставила все свои деньги лондонскому аптекарю, снабжавшему её лекарствами.

Однако в последнюю минуту из страха перед близнецами привидение не решилось покинуть свою комнату, и юный герцог спокойно проспал до утра под большим украшенным перьями балдахинном в Королевской опочивальне. Во сне он видел Вирджинию.

The story was well known at the time, though, of course, out of respect to the feelings of the two noble families, every attempt was made to hush it up, and a full account of all the circumstances connected with it will be found in the third volume of Lord Tattle's "Recollections of the Prince Regent and his Friends".

The ghost, then, was naturally very anxious to show that he had not lost his influence over the Stiltons, with whom, indeed, he was distantly connected, his own first cousin having been married *en secondes nocces* to the Sieur de Bulkeley, from whom, as every one knows, the Dukes of Cheshire are lineally descended.

Accordingly, he made arrangements for appearing to Virginia's little lover in his celebrated impersonation of "The Vampire Monk, or the Bloodless Benedictine," a performance so horrible that when old Lady Startup saw it, which she did on one fatal New Year's Eve, in the year 1764, she went off into the most piercing shrieks, which culminated in violent apoplexy, and died in three days, after disinheriting the Cantervilles, who were her nearest relations, and leaving all her money to her London apothecary.

At the last moment, however, his terror of the twins prevented his leaving his room, and the little Duke slept in peace under the great feathered canopy in the Royal Bedchamber, and dreamed of Virginia.

Глава пятая

V

Несколько дней спустя Вирджиния и её кудрявый кавалер отправились кататься верхом на Броклейские луга, и она, продираясь сквозь живую изгородь, так изорвала свою амазонку, что, вернувшись домой, решила подняться к себе по лестнице чёрного хода, с тем чтобы её никто не увидел.

A few days after this, Virginia and her curly-haired cavalier went out riding on Brockley meadows, where she tore her habit so badly in getting through a hedge that, on their return home, she made up her mind to go up by the back staircase so as not to be seen.

Пробегая мимо Гобеленового зала, дверь которого оказалась открытой, она заметила краем глаза, что там кто-то есть, и, полагая, что это камеристка её матери, иногда приходившая сюда с шитьём, остановилась и заглянула в дверь, чтобы попросить её починить порванную амазонку.

As she was running past the Tapestry Chamber, the door of which happened to be open, she fancied she saw some one inside, and thinking it was her mother's maid, who sometimes used to bring her work there, looked in to ask her to mend her habit.

Каково же было её удивление, когда оказалось, что это Кентервильский призрак!

To her immense surprise, however, it was the Canterville Ghost himself!

Он сидел у окна и наблюдал за тем, как с пожелтевших деревьев слетает непрочная позолота и как красные листья в бешеной пляске несутся по длинной аллее парка.

He was sitting by the window, watching the ruined gold of the yellowing trees fly through the air, and the red leaves dancing madly down the long avenue.

Голову он положил на сложенные вместе руки, и вся его поза выражала беспросветное отчаяние.

His head was leaning on his hand, and his whole attitude was one of extreme depression.

Он казался таким одиноким, таким дряхлым и беззащитным, что маленькой Вирджинии, первым побуждением которой было скорее бежать отсюда и запереться в своей комнате, стало жалко его и захотелось его утешить.

Indeed, so forlorn, and so much out of repair did he look, that little Virginia, whose first idea had been to run away and lock herself in her room, was filled with pity, and determined to try and comfort him.

Шаги её были так легки, а его меланхолия так глубока, что он заметил её присутствие лишь тогда, когда она с ним заговорила.

So light was her footfall, and so deep his melancholy, that he was not aware of her presence till she spoke to him.

— Поверьте, я вам очень сочувствую, — сказала она. — Но завтра мои братья возвращаются в Итон, и тогда, если вы будете себя хорошо вести, вас больше никто не обидит.

"I am so sorry for you," she said, "but my brothers are going back to Eton to-morrow, and then, if you behave yourself, no one will annoy you."

The Canterville Ghost

— Какой толк просить меня хорошо себя вести?!
 — отозвался он, с удивлением оглядываясь на хорошенькую девочку, которая не побоялась заговорить с ним. — Никакого! Мне, знаешь ли, просто положено греметь цепями, стонать сквозь замочные скважины и разгуливать по ночам — ты ведь это считаешь плохим поведением? В этом весь смысл моего существования!

— Никакого смысла тут нет, и вы сами прекрасно знаете, что плохо себя вели. Миссис Амни сказала нам в первый же день после нашего приезда, что вы убили свою жену.

— Ну, допустим, убил, — раздражённо ответил дух, — но это моё личное дело, и это никого не касается.

— Убивать людей очень нехорошо, — сказала Вирджиния с той пуританской серьёзностью, которая порой появлялась в выражении её милого лица и которую она унаследовала от какого-то предка из Новой Англии.

— О, как я ненавижу это дешёвое морализирование, свойственное абстрактной этике! Моя жена была очень дурна собой, она никогда не умела должным образом накрахмалить мне брыжи [Брыжи — воротник или выпуск на груди в виде оборок.] и ровно ничего не смыслила в искусстве вкусно готовить. Возьмём, к примеру, хотя бы такой случай. Однажды мне удалось убить в Хоглейском лесу оленя, великолепного самца-одногодка, — так вот, как же, ты думаешь, она с ним распорядилась и что в конце концов было подано к столу?

Да что толку сейчас говорить об этом — дело ведь прошлое! И пусть я действительно убил свою жену, но заморить меня голодом, доведя до мучительной смерти, было со стороны её братьев тоже не очень-то красиво.

“It is absurd asking me to behave myself,” he answered, looking round in astonishment at the pretty little girl who had ventured to address him, “quite absurd. I must rattle my chains, and groan through keyholes, and walk about at night, if that is what you mean. It is my only reason for existing.”

“It is no reason at all for existing, and you know you have been very wicked. Mrs. Umney told us, the first day we arrived here, that you had killed your wife.”

“Well, I quite admit it,” said the Ghost, petulantly, “but it was a purely family matter, and concerned no one else.”

“It is very wrong to kill any one,” said Virginia, who at times had a sweet puritan gravity, caught from some old New England ancestor.

“Oh, I hate the cheap severity of abstract ethics! My wife was very plain, never had my ruffs properly starched, and knew nothing about cookery. Why, there was a buck I had shot in Hogley Woods, a magnificent pricket, and do you know how she had it sent to table?”

However, it is no matter now, for it is all over, and I don't think it was very nice of her brothers to starve me to death, though I did kill her.”

Кентервильское привидение

— Они заморили вас голодом? О, мистер призрак, — то есть, я хотела сказать, сэр Саймон, — вы, наверно, и сейчас голодны? У меня в сумке есть бутерброд. Возьмите, пожалуйста!

— Нет, спасибо. Я давно ничего не ем. Но всё равно с твоей стороны это очень любезно, и вообще ты гораздо симпатичнее всей своей ужасной, невоспитанной, вульгарной и бесчестной семьи.

— Не смейте так говорить! — воскликнула Вирджиния, топнув ногой. — Это вы невоспитанны, ужасны и вульгарны, а что касается честности, так вы сами прекрасно знаете, кто таскал у меня из ящика краски, чтобы наводить ваше дурацкое кровавое пятно.

Сперва исчезли все красные краски, включая и алые, так что я больше не могла изображать закаты, потом вы унесли изумрудную зелень и жёлтый хром, а кончилось тем, что у меня вообще ничего не осталось, кроме индиго и китайских белил, и мне пришлось ограничиться пейзажами с лунным светом, а они такие унылые, да и рисовать их ужасно трудно.

Но я никому на вас не наядбедничала, хоть и очень сердилась. И вообще всё это страшно глупо: ну разве бывает изумрудная кровь?

— А что мне оставалось делать? — произнёс призрак с некоторым смущением. — В нынешние времена достать настоящую кровь не так-то просто, и поскольку твой драгоценный братец решил пустить в ход свой «образцовый очиститель», — а с этого всё и началось, — мне ничего другого не оставалось как воспользоваться твоими красками.

А что касается цвета, то это, знаешь ли, дело вкуса. У Кентервилей, например, кровь голубая, самая голубая во всей Англии. Впрочем, вас, американцев, такие вещи не интересуют.

“Starve you to death? Oh, Mr. Ghost—I mean Sir Simon, are you hungry? I have a sandwich in my case. Would you like it?”

“No, thank you, I never eat anything now; but it is very kind of you, all the same, and you are much nicer than the rest of your horrid, rude, vulgar, dishonest family.”

“Stop!” cried Virginia, stamping her foot, “it is you who are rude, and horrid, and vulgar, and as for dishonesty, you know you stole the paints out of my box to try and furbish up that ridiculous bloodstain in the library.

First you took all my reds, including the vermilion, and I couldn’t do any more sunsets, then you took the emerald-green and the chrome-yellow, and finally I had nothing left but indigo and Chinese white, and could only do moonlight scenes, which are always depressing to look at, and not at all easy to paint.

I never told on you, though I was very much annoyed, and it was most ridiculous, the whole thing; for who ever heard of emerald-green blood?”

“Well, really,” said the Ghost, rather meekly, “what was I to do? It is a very difficult thing to get real blood nowadays, and, as your brother began it all with his Paragon Detergent, I certainly saw no reason why I should not have your paints.

As for colour, that is always a matter of taste: the Cantervilles have blue blood, for instance, the very bluest in England; but I know you Americans don’t care for things of this kind.”

The Canterville Ghost

— Откуда вам знать, что нас интересует? Я вам очень советую к нам эмигрировать и расширить у нас свой кругозор. Папа с радостью устроит вам бесплатный проезд, и, хотя пошлины на спиртное, а значит, и на всё спиритическое ужасно высокие, проблем на таможне у вас не будет, так как все чиновники там — демократы.

А в Нью-Йорке вас ждёт огромный успех. Я знаю там многих людей, которые с охотой бы дали сто тысяч долларов просто за то, чтобы у них был дедушка, ну а за то, чтобы иметь семейное привидение, дадут во сто крат больше.

— Боюсь, мне не понравится ваша Америка.

— Потому что у нас нет ничего допотопного и диковинного? — насмешливо спросила Вирджиния.

— Ничего допотопного и диковинного? А ваш флот и ваши манеры?

— Всего хорошего! Пойду попрошу папу, чтобы он разрешил близнецам задержаться ещё на одну неделю.

— Прошу вас, не уходите, мисс Вирджиния! — воскликнул призрак. — Я так одинок и несчастен! И я совершенно не знаю, что делать мне дальше. Больше всего я хотел бы уснуть, но, увы, не могу.

— Ну что за глупости вы говорите! Для этого всего лишь надо лечь в постель и задуть свечу. Вот бодрствовать — это гораздо труднее, особенно в церкви. А для того, чтоб уснуть, не нужно никаких усилий. С этим справится и грудной младенец, хоть он почти и ничего не соображает.

— Я не сплю уже триста лет, — печально промолвил призрак, и прекрасные голубые глаза Вирджинии широко раскрылись от удивления. — Триста лет я не знаю сна и чувствую себя бесконечно усталым!

“You know nothing about it, and the best thing you can do is to emigrate and improve your mind. My father will be only too happy to give you a free passage, and though there is a heavy duty on spirits of every kind, there will be no difficulty about the Custom House, as the officers are all Democrats.

Once in New York, you are sure to be a great success. I know lots of people there who would give a hundred thousand dollars to have a grandfather, and much more than that to have a family ghost.”

“I don’t think I should like America.”

“I suppose because we have no ruins and no curiosities,” said Virginia, satirically.

“No ruins! no curiosities!” answered the Ghost; “you have your navy and your manners.”

“Good evening; I will go and ask papa to get the twins an extra week’s holiday.”

“Please don’t go, Miss Virginia,” he cried; “I am so lonely and so unhappy, and I really don’t know what to do. I want to go to sleep and I cannot.”

“That’s quite absurd! You have merely to go to bed and blow out the candle. It is very difficult sometimes to keep awake, especially at church, but there is no difficulty at all about sleeping. Why, even babies know how to do that, and they are not very clever.”

“I have not slept for three hundred years,” he said sadly, and Virginia’s beautiful blue eyes opened in wonder; “for three hundred years I have not slept, and I am so tired.”

Кентервильское привидение

Лицо Вирджинии затуманилось, губы её задрожали, словно лепестки розы. Она подошла к привидению, опустилась на колени и заглянула в его древнее, морщинистое лицо.

— Бедное, бедное привидение, — едва слышно проговорила она. — Неужели ты не знаешь такого места, где ты хотел бы уснуть?

— Далеко-далеко отсюда, там, за сосновым бором, — отвечал призрак тихим, мечтательным голосом, — есть маленький сад. Трава там высокая и густая, там белеют цветы болиголова, подобные звёздам, и всю ночь там поёт соловей.

Да, всю ночь не смолкая поёт соловей, холодная хрустальная луна бесстрастно взирает вниз и могучий тис простирает над спящими свои исполинские ветви.

Глаза Вирджинии заволоклись слезами, и она спрятала в ладони лицо.

— Ты говоришь о Саде Смерти? — прошептала она.

— Да, я говорю о нём. Как, должно быть, прекрасна Смерть! Как хорошо лежать в мягкой, тёплой земле, зная, что над тобой колышутся травы, и слушать вечную тишину. Как хорошо, что нет ни вчера, ни завтра, что можно забыть о ходе времени и навеки забыться, обретя наконец покой.

Знаешь, ты мне можешь помочь. Ты можешь открыть для меня врата Храма Смерти, ибо с тобой Любовь, а Любовь ведь сильнее Смерти.

По телу Вирджинии прошла холодная дрожь, и некоторое время между ними царило молчание. Ей казалось, будто всё это какой-то жуткий сон.

Потом снова заговорил призрак, и голос его звучал подобно вздохам ветра.

Virginia grew quite grave, and her little lips trembled like rose-leaves. She came towards him, and kneeling down at his side, looked up into his old withered face.

“Poor, poor Ghost,” she murmured; “have you no place where you can sleep?”

“Far away beyond the pine-woods,” he answered, in a low, dreamy voice, “there is a little garden. There the grass grows long and deep, there are the great white stars of the hemlock flower, there the nightingale sings all night long.

All night long he sings, and the cold crystal moon looks down, and the yew-tree spreads out its giant arms over the sleepers.”

Virginia’s eyes grew dim with tears, and she hid her face in her hands.

“You mean the Garden of Death,” she whispered.

“Yes, death. Death must be so beautiful. To lie in the soft brown earth, with the grasses waving above one’s head, and listen to silence. To have no yesterday, and no to-morrow. To forget time, to forget life, to be at peace.

You can help me. You can open for me the portals of death’s house, for love is always with you, and love is stronger than death is.”

Virginia trembled, a cold shudder ran through her, and for a few moments there was silence. She felt as if she was in a terrible dream.

Then the ghost spoke again, and his voice sounded like the sighing of the wind.

The Canterville Ghost

— Ты читала древнее пророчество, начертанное на окне библиотеки?

“Have you ever read the old prophecy on the library window?”

— О, много раз! — воскликнула девочка, поднимая на привидение глаза. — Я успела его выучить наизусть.

“Oh, often,” cried the little girl, looking up; “I know it quite well.

Оно написано какими-то старинными причудливыми буквами, так что сразу их трудно прочесть. Там всего лишь шесть строчек:

It is painted in curious black letters, and is difficult to read. There are only six lines:

Когда по воле девственницы юной
Молитву вознесут уста Греха,
Когда миндаля засохший ночью лунной
Цветеньем буйным поразит сердца,
А малое дитя проронит тихо слёзы,
Дабы они с души все скорби смыли,
Тогда настанет мир, уйдут из замка грозы
И снизойдёт покой на Кентервиля.

‘When a golden girl can win
Prayer from out the lips of sin,
When the barren almond bears,
And a little child gives away its tears,
Then shall all the house be still
And peace come to Canterville.’

Только я не понимаю, что это значит.

“But I don’t know what they mean.”

— А это значит, — печально промолвил дух, — что ты должна оплакивать мои прегрешения, ибо у меня не осталось слёз, и молиться за мою душу, ибо у меня не осталось веры. И тогда, если ты всегда будешь оставаться такой же доброй, чистой и кроткой, Ангел Смерти смилуется надо мной.

“They mean,” he said, sadly, “that you must weep with me for my sins, because I have no tears, and pray with me for my soul, because I have no faith, and then, if you have always been sweet, and good, and gentle, the angel of death will have mercy on me.

Страшные видения будут преследовать тебя в темноте, злые голоса станут шептать тебе на ухо ужасные вещи, но они не причинят тебе никакого вреда, ибо все тёмные силы ада бессильны пред чистотою ребёнка.

You will see fearful shapes in darkness, and wicked voices will whisper in your ear, but they will not harm you, for against the purity of a little child the powers of Hell cannot prevail.”

Вирджиния ничего не говорила в ответ, и призрак, глядя на её склонённую златокудрую голову, принялся в отчаянии ломать руки. Вдруг девочка встала. Лицо её было бледным, глаза как-то странно сияли.

Virginia made no answer, and the ghost wrung his hands in wild despair as he looked down at her bowed golden head. Suddenly she stood up, very pale, and with a strange light in her eyes.

— Я не боюсь, — сказала она решительно. — Я попрошу Ангела смиловаться над тобой.

“I am not afraid,” she said firmly, “and I will ask the angel to have mercy on you.”

Кентервильское привидение

Издав негромкое радостное восклицание, он поднялся на ноги, взял её руку и, со старомодной грацией низко склонившись, поднёс руку к губам и поцеловал.

He rose from his seat with a faint cry of joy, and taking her hand bent over it with old-fashioned grace and kissed it.

Пальцы его были холодными как лёд, а губы жгли как огонь, но Вирджиния не отпрянула от него, и он повёл её за руку через весь полутёмный зал.

His fingers were as cold as ice, and his lips burned like fire, but Virginia did not falter, as he led her across the dusky room.

На поблёкших от времени зелёных гобеленах были вышиты маленькие фигурки охотников.

On the faded green tapestry were broidered little huntsmen.

Они трубили в украшенные кисточками горны и махали Вирджинии крошечными руками, давая знак вернуться назад.

They blew their tasselled horns and with their tiny hands waved to her to go back.

«Вернись, маленькая Вирджиния, вернись!» — кричали они. Но призрак ещё крепче сжал её руку, и она, чтобы не видеть охотников, закрыла глаза.

“Go back! little Virginia,” they cried, “go back!” but the ghost clutched her hand more tightly, and she shut her eyes against them.

Пучеглазые чудовища с хвостом ящерицы подмигивали ей с резной каминной полки и негромко бормотали ей вслед: «Берегись, маленькая Вирджиния, берегись! Что если мы больше не увидим тебя?» Но дух нёсся вперёд всё быстрее, и Вирджиния не слушала их.

Horrible animals with lizard tails and goggle eyes blinked at her from the carved chimneypiece, and murmured, “Beware! little Virginia, beware! we may never see you again,” but the Ghost glided on more swiftly, and Virginia did not listen.

Когда они оказались в самом конце зала, он остановился и тихо произнёс несколько непонятных ей слов.

When they reached the end of the room he stopped, and muttered some words she could not understand.

Она открыла глаза и увидела, как стена постепенно исчезает, словно рассеивающийся туман, а за ней зияет огромная чёрная пустота.

She opened her eyes, and saw the wall slowly fading away like a mist, and a great black cavern in front of her.

Налетел порыв ледяного ветра, и она почувствовала, как её дёргают за платье.

A bitter cold wind swept round them, and she felt something pulling at her dress.

— Скорее, скорее! — крикнул ей призрак. — Иначе будет слишком поздно. Через мгновение стенная панель за ними сомкнулась, и в Гобеленовом зале никого не осталось.

“Quick, quick,” cried the Ghost, “or it will be too late,” and in a moment the wainscoting had closed behind them, and the Tapestry Chamber was empty.

Глава шестая

VI

Когда десять минут спустя зазвонил колокольчик, приглашая всех к чаю, а Вирджиния в библиотеку не спустилась, миссис Оутис послала за ней одного из лакеев. Тот вскоре вернулся и заявил, что нигде разыскать её не смог.

Вирджиния имела обыкновение выходить каждый вечер в сад за цветами для обеденного стола, поэтому у миссис Оутис поначалу не возникло никаких опасений. Но когда пробило шесть, а Вирджиния так и не появилась, миссис Оутис начала волноваться всерьёз и велела мальчикам искать сестру в парке, а сама вместе с мистером Оутисом принялась обшаривать весь дом, заходя в каждую комнату.

В половине седьмого мальчики возвратились и сообщили, что никаких следов Вирджинии обнаружить им не удалось.

Теперь беспокойство овладело всеми, но никто толком не знал, что делать, как вдруг мистер Оутис вспомнил, что несколько дней назад дал разрешение остановиться в поместье цыганскому табору.

Взяв с собой старшего сына и двух работников, он, не теряя ни минуты, отправился в Блэкфельский лог, где, как он знал, и остановились цыгане.

Юный герцог Чеширский, который не находил себе места от беспокойства, во что бы то ни стало хотел идти вместе с ними, но мистер Оутис, опасаясь, что дело может дойти до драки, не разрешил ему этого.

Когда они добрались до Блэкфельского лога, цыган уже и след простыл, и, судя по тому, что костёр ещё не погас, а в траве валялись тарелки, они снялись с лагеря в страшной спешке.

About ten minutes later, the bell rang for tea, and, as Virginia did not come down, Mrs. Otis sent up one of the footmen to tell her. After a little time he returned and said that he could not find Miss Virginia anywhere.

As she was in the habit of going out to the garden every evening to get flowers for the dinner-table, Mrs. Otis was not at all alarmed at first, but when six o'clock struck, and Virginia did not appear, she became really agitated, and sent the boys out to look for her, while she herself and Mr. Otis searched every room in the house.

At half-past six the boys came back and said that they could find no trace of their sister anywhere.

They were all now in the greatest state of excitement, and did not know what to do, when Mr. Otis suddenly remembered that, some few days before, he had given a band of gipsies permission to camp in the park.

He accordingly at once set off for Blackfell Hollow, where he knew they were, accompanied by his eldest son and two of the farm-servants.

The little Duke of Cheshire, who was perfectly frantic with anxiety, begged hard to be allowed to go too, but Mr. Otis would not allow him, as he was afraid there might be a scuffle.

On arriving at the spot, however, he found that the gipsies had gone, and it was evident that their departure had been rather sudden, as the fire was still burning, and some plates were lying on the grass.

Кентервильское привидение

Отправив Вашингтона и работников продолжать поиски дальше, мистер Оутис поспешил домой, чтобы разослать полицейским инспекторам по всему графству телеграммы с просьбой помочь разыскать девочку, которую похитили бродяги или цыгане.

Затем он распорядился, чтобы ему подали коня, и, уговорив жену и мальчиков пообедать, поскакал с грумом по Аскотской дороге.

Но не успели они отъехать и двух миль, как услышали за собой стук копыт. Оглянувшись, мистер Оутис увидел, что их догоняет на своём пони юный герцог. Он был без шляпы, лицо его покраснелось.

— Прошу прощения, мистер Оутис, — произнёс задыхаясь юноша, — но как я могу обедать, когда потерялась Вирджиния?

Не сердитесь, пожалуйста, на меня, но если бы в прошлом году вы согласились на нашу помолвку, ничего подобного не могло бы произойти. Вы не отошлёте меня назад, ведь правда? Я не могу туда возвращаться! И я всё равно не поеду назад!

Посланник не мог удержаться от улыбки, глядя на этого юного, привлекательного аристократа. Его очень трогало, что этот мальчик так предан Вирджинии, и он, перегнувшись к нему, ласково потрепал его по плечу.

— Что ж, Сесил, деваться некуда, — сказал он. — Раз вы решили не возвращаться, придётся вас взять с собой, только надо будет купить вам в Аскоте шляпу.

— Мне не шляпа нужна! Мне нужна Вирджиния!
— воскликнул, рассмеявшись, юный герцог, и они поскакали к железнодорожной станции.

Having sent off Washington and the two men to scour the district, he ran home, and despatched telegrams to all the police inspectors in the county, telling them to look out for a little girl who had been kidnapped by tramps or gipsies.

He then ordered his horse to be brought round, and, after insisting on his wife and the three boys sitting down to dinner, rode off down the Ascot road with a groom.

He had hardly, however, gone a couple of miles, when he heard somebody galloping after him, and, looking round, saw the little Duke coming up on his pony, with his face very flushed, and no hat.

“I’m awfully sorry, Mr. Otis,” gasped out the boy, “but I can’t eat any dinner as long as Virginia is lost.

Please don’t be angry with me; if you had let us be engaged last year, there would never have been all this trouble. You won’t send me back, will you? I can’t go! I won’t go!”

The Minister could not help smiling at the handsome young scapegrace, and was a good deal touched at his devotion to Virginia, so leaning down from his horse, he patted him kindly on the shoulders, and said, “Well, Cecil, if you won’t go back, I suppose you must come with me, but I must get you a hat at Ascot.”

“Oh, bother my hat! I want Virginia!” cried the little Duke, laughing, and they galloped on to the railway station.

The Canterville Ghost

Мистер Оутис спросил у начальника станции, не видел ли кто-нибудь на перроне девочку, похожую по описанию на Вирджинию, но тот ничего определённого ответить не мог.

Всё же он телеграфировал по всей линии и заверил мистера Оутиса, что они будут здесь начеку и, в случае если им что-нибудь станет известно, сразу дадут ему знать. Купив юному герцогу шляпу в лавке торговца льняным товаром, который закрывал уже ставни, посланник со своей командой направился в деревню Бексли, примерно в четырёх милях от станции, где, как ему сообщили, был большой общинный выпас и часто собирались цыгане.

Там они разбудили сельского полисмена, но ничего от него не добились и, проехав по всему выпасу, повернули домой. До замка они добрались часам к одиннадцати, смертельно усталые и совершенно обескураженные.

У домика привратника они увидели Вашингтона и близнецов, ожидавших их с фонарями, ибо под деревьями, обрамлявшими подъездную аллею, было темно, хоть глаз выколи.

Увы, никаких обнадёживающих новостей здесь тоже не было: на след Вирджинии пока не удавалось напасть.

Цыгане были настигнуты на Броклейских лугах, но девочки с ними не оказалось. Свой внезапный отъезд они объяснили тем, что боялись опоздать на Чортонскую ярмарку, так как перепутали день её проведения.

Цыгане и сами огорчились, узнав об исчезновении девочки, и четверо из них остались помогать в розысках: цыгане были признательны мистеру Оутису за то, что он позволил им остановиться в поместье.

Был прочёсан с помощью драги сазановый пруд и обшарен каждый клочок земли в поместье, но безрезультатно.

There Mr. Otis inquired of the station-master if any one answering to the description of Virginia had been seen on the platform, but could get no news of her.

The station-master, however, wired up and down the line, and assured him that a strict watch would be kept for her, and, after having bought a hat for the little Duke from a linen-drapeer, who was just putting up his shutters, Mr. Otis rode off to Bexley, a village about four miles away, which he was told was a well-known haunt of the gipsies, as there was a large common next to it.

Here they roused up the rural policeman, but could get no information from him, and, after riding all over the common, they turned their horses' heads homewards, and reached the Chase about eleven o'clock, dead-tired and almost heart-broken.

They found Washington and the twins waiting for them at the gate-house with lanterns, as the avenue was very dark.

Not the slightest trace of Virginia had been discovered.

The gipsies had been caught on Brockley meadows, but she was not with them, and they had explained their sudden departure by saying that they had mistaken the date of Chorton Fair, and had gone off in a hurry for fear they should be late.

Indeed, they had been quite distressed at hearing of Virginia's disappearance, as they were very grateful to Mr. Otis for having allowed them to camp in his park, and four of their number had stayed behind to help in the search.

The carp-pond had been dragged, and the whole Chase thoroughly gone over, but without any result.

Кентервильское привидение

Становилось всё более очевидным, что по крайней мере до следующего дня они Вирджинии не увидят. Мистер Оутис и мальчики возвращались в замок совершенно подавленные; за ними шёл грум, ведя обеих лошадей и пони.

В холле они увидели собравшихся кучкой перепуганных слуг, а в библиотеке на диване лежала бедная миссис Оутис, почти потерявшая рассудок от пережитых ею в этот страшный день волнений и ужасов; старая домоправительница то и дело смачивала ей одеколоном виски.

Мистер Оутис принялся уговаривать жену хоть немного поесть и велел подать ужин для всех собравшихся в замке.

Это была очень невесёлая трапеза, проходившая в полном молчании, и даже близнецы сидели притихшие и подавленные: они очень любили свою сестру.

После ужина мистер Оутис, как ни упрашивал его юный герцог разрешить ему не ложиться, отправил всех спать, заявив, что этой ночью всё равно уже ничего невозможно сделать, а утром он срочно вызовет по телеграфу сыщиков из Скотленд-Ярда.

Как раз в тот момент, когда они выходили из столовой, часы на церковной башне начали гулко бить полночь, и при звуке последнего удара раздался вдруг громкий треск, кто-то пронзительно закричал, и весь дом сотрясся от оглушительного раската грома. А когда в воздухе зазвучала завораживающе прекрасная, неземная музыка, стенная панель на верху лестницы с громким шумом отвалилась, и на лестничную площадку выступила бледная как полотно Вирджиния, с маленькой шкатулкой в руках.

It was evident that, for that night at any rate, Virginia was lost to them; and it was in a state of the deepest depression that Mr. Otis and the boys walked up to the house, the groom following behind with the two horses and the pony.

In the hall they found a group of frightened servants, and lying on a sofa in the library was poor Mrs. Otis, almost out of her mind with terror and anxiety, and having her forehead bathed with eau de cologne by the old housekeeper.

Mr. Otis at once insisted on her having something to eat, and ordered up supper for the whole party.

It was a melancholy meal, as hardly any one spoke, and even the twins were awestruck and subdued, as they were very fond of their sister.

When they had finished, Mr. Otis, in spite of the entreaties of the little Duke, ordered them all to bed, saying that nothing more could be done that night, and that he would telegraph in the morning to Scotland Yard for some detectives to be sent down immediately.

Just as they were passing out of the dining-room, midnight began to boom from the clock tower, and when the last stroke sounded they heard a crash and a sudden shrill cry; a dreadful peal of thunder shook the house, a strain of unearthly music floated through the air, a panel at the top of the staircase flew back with a loud noise, and out on the landing, looking very pale and white, with a little casket in her hand, stepped Virginia.

The Canterville Ghost

Все гурьбой ринулись к ней. Миссис Оутис крепко её обняла, юный герцог осыпал её пылкими поцелуями, а близнецы скакали вокруг неё в каком-то диком воинственном танце.

— О Боже, девочка моя! Где ты всё это время пропадала? — спросил мистер Оутис, стараясь придать голосу строгие нотки, ибо полагал, что это был всего лишь глупый розыгрыш.

— Мы с Сесилом объездили всё вокруг, разыскивая тебя, а твоя мама чуть не умерла от страха. Никогда больше не шути так с нами!

— Шутить разрешается только с привидением! С при-ви-де-ни-ем! — громко скандировали близнецы, выделывая ногами всё новые и новые антраша.

— Милая моя, родная, нашлась, слава Богу! — твердила миссис Оутис, целуя дрожащую дочь и разглаживая её спутанные золотые локоны. — Никогда больше не оставляй меня так надолго!

— Папа, — проговорила Вирджиния негромким голосом, — я провела весь этот вечер с духом. Он умер, и вы должны пойти взглянуть на него. Он при жизни поступал очень дурно, но раскаялся в своих грехах и подарил мне на память эту шкатулку с драгоценностями.

Все глядели на неё в немом изумлении, но она говорила совершенно серьёзно. Повернувшись, она повела их к отверстию в стенной панели, через которое они попали в узкий потайной коридор, по которому и направились дальше. Вашингтон с зажжённой свечой, взятой им со стола, замыкал процессию.

Спустя какое-то время они пришли к тяжёлой, обитой ржавыми гвоздями дубовой двери на массивных петлях.

In a moment they had all rushed up to her. Mrs. Otis clasped her passionately in her arms, the Duke smothered her with violent kisses, and the twins executed a wild war-dance round the group.

“Good heavens! child, where have you been?” said Mr. Otis, rather angrily, thinking that she had been playing some foolish trick on them.

“Cecil and I have been riding all over the country looking for you, and your mother has been frightened to death. You must never play these practical jokes any more.”

“Except on the Ghost! except on the Ghost!” shrieked the twins, as they capered about.

“My own darling, thank God you are found; you must never leave my side again,” murmured Mrs. Otis, as she kissed the trembling child, and smoothed the tangled gold of her hair.

“Papa,” said Virginia, quietly, “I have been with the Ghost. He is dead, and you must come and see him. He had been very wicked, but he was really sorry for all that he had done, and he gave me this box of beautiful jewels before he died.”

The whole family gazed at her in mute amazement, but she was quite grave and serious; and, turning round, she led them through the opening in the wainscoting down a narrow secret corridor, Washington following with a lighted candle, which he had caught up from the table.

Finally, they came to a great oak door, studded with rusty nails.

Кентервильское привидение

Стоило Вирджинии коснуться двери, как та сразу же распахнулась, впус­тив их в низенькую каморку со сводчатым потолком и очень маленьким зарешечённым окошком.

К вмурованному в стену огромному железному кольцу был прикован цепью крайне измождённый скелет, рас­простёртый во всю длину на каменном полу. Казалось, он пытается дотянуться своими длинными костлявыми пальцами до старинного блюда и кувшина, поставленных так, чтобы он их не мог достать.

Кувшин, очевидно, был когда-то наполнен водой, если судить по остаткам зелёной плесени, покрывавшей его внутри.

На блюде оставалась лишь горстка пыли.

Вирджиния опустила­сь на колени возле скелета и, сложив вместе свои маленькие руки, начала беззвучно молиться, а остальные с изумлением взирали на всё это, понимая, что перед ними открылась тайна произошедшей некогда ужасной трагедии.

— Смотрите! Смотрите! — внезапно воскликнул один из близнецов, который всё это время заглядывал в окошко, чтобы попытаться определить, в какой части замка они находятся.

— Расцвело сухое миндальное дерево! Я хорошо различаю цветки, потому что сегодня так ярко светит луна.

— Значит, Господь простил его! — торжественно произнесла Вирджиния, поднимаясь с колен, и всем стало казаться, что какое-то прекрасное сияние озарило её лицо.

— Вы ангел! — воскликнул юный герцог, обнимая и целуя её.

When Virginia touched it, it swung back on its heavy hinges, and they found themselves in a little low room, with a vaulted ceiling, and one tiny grated window.

Imbedded in the wall was a huge iron ring, and chained to it was a gaunt skeleton, that was stretched out at full length on the stone floor, and seemed to be trying to grasp with its long fleshless fingers an old-fashioned trencher and ewer, that were placed just out of its reach.

The jug had evidently been once filled with water, as it was covered inside with green mould.

There was nothing on the trencher but a pile of dust.

Virginia knelt down beside the skeleton, and, folding her little hands together, began to pray silently, while the rest of the party looked on in wonder at the terrible tragedy whose secret was now disclosed to them.

“Hallo!” suddenly exclaimed one of the twins, who had been looking out of the window to try and discover in what wing of the house the room was situated.

“Hallo! the old withered almond-tree has blossomed. I can see the flowers quite plainly in the moonlight.”

“God has forgiven him,” said Virginia, gravely, as she rose to her feet, and a beautiful light seemed to illumine her face.

“What an angel you are!” cried the young Duke, and he put his arm round her neck, and kissed her.

Глава седьмая

VII

Через четыре дня после этих необыкновенных событий, где-то за час до полуночи, из Кентервильского замка выехал траурный кортеж.

В катафалк было впряжено восемь чёрных лошадей, и у каждой на голове покачивался пышный султан из страусовых перьев; на свинцовый гроб был накинут богатый пурпурный покров с гербом Кентервилей, вытканым золотом.

Рядом с катафалком и экипажами шествовали слуги с горящими факелами, и вся процессия производила необыкновенное впечатление.

Самый близкий родственник умершего, лорд Кентервиль, специально прибывший на похороны из Уэльса, ехал вместе с маленькой Вирджинией в первой карете.

За ними следовал посланник Соединённых Штатов с супругой, потом Вашингтон и три мальчика.

Замыкала процессию карета, в которой сидела миссис Амни, — ни у кого не возникало сомнений, что, поскольку привидение пугало эту достойную особу более пятидесяти лет её жизни, у неё есть все основания проводить его в последний путь.

Выйдя из карет, скорбящие подошли к глубокой могиле, вырытой в углу погоста, прямо под тисовым деревом, и преподобный Огастус Дэмпир с большим воодушевлением прочитал заупокойную молитву.

Four days after these curious incidents, a funeral started from Canterville Chase at about eleven o'clock at night.

The hearse was drawn by eight black horses, each of which carried on its head a great tuft of nodding ostrich-plumes, and the leaden coffin was covered by a rich purple pall, on which was embroidered in gold the Canterville coat-of-arms.

By the side of the hearse and the coaches walked the servants with lighted torches, and the whole procession was wonderfully impressive.

Lord Canterville was the chief mourner, having come up specially from Wales to attend the funeral, and sat in the first carriage along with little Virginia.

Then came the United States Minister and his wife, then Washington and the three boys, and in the last carriage was Mrs. Umney.

It was generally felt that, as she had been frightened by the ghost for more than fifty years of her life, she had a right to see the last of him.

A deep grave had been dug in the corner of the churchyard, just under the old yew-tree, and the service was read in the most impressive manner by the Rev. Augustus Dampier.

Кентервильское привидение

Когда пастор умолк, слуги, по древнему обычаю рода Кентервилей, потушили свои факелы, а когда гроб стали опускать в могилу, Вирджиния приблизилась к нему и возложила на крышку большой крест, сплетённый из белых и розовых цветков миндаля.

В этот момент из-за облака выплыла луна, заливая маленькое кладбище призрачным серебром, а в отдалённой роще запел соловей.

Вирджиния вспомнила, как привидение описывало Сад Смерти, глаза её наполнились слезами, и на всём обратном пути она не проронила ни слова.

На следующее утро, прежде чем лорд Кентервиль уехал в Лондон, мистер Оутис завёл с ним разговор о драгоценностях, подаренных Вирджинии привидением.

Они были великолепны, особенно рубиновое ожерелье в венецианской оправе — редкостный образец работы XVI века; их ценность была столь велика, что мистер Оутис считал невозможным позволить дочери их принять.

— Милорд, — сказал посланник, — я знаю, что в вашей стране «право мёртвой руки» [«Право мёртвой руки» — неотчуждаемое право владеть недвижимостью.] распространяется не только на земельную собственность, но и на фамильные драгоценности, и для меня является очевидным, что украшения, переданные моей дочери, на самом деле принадлежат вашему роду или, во всяком случае, должны ему принадлежать.

А поэтому я прошу вас забрать их с собой в Лондон и рассматривать их как часть по праву принадлежащего вам имущества, которая была возвращена законному владельцу, хотя и при нескольких странных обстоятельствах.

When the ceremony was over, the servants, according to an old custom observed in the Canterville family, extinguished their torches, and, as the coffin was being lowered into the grave, Virginia stepped forward, and laid on it a large cross made of white and pink almond-blossoms.

As she did so, the moon came out from behind a cloud, and flooded with its silent silver the little churchyard, and from a distant copse a nightingale began to sing.

She thought of the ghost's description of the Garden of Death, her eyes became dim with tears, and she hardly spoke a word during the drive home.

The next morning, before Lord Canterville went up to town, Mr. Otis had an interview with him on the subject of the jewels the ghost had given to Virginia.

They were perfectly magnificent, especially a certain ruby necklace with old Venetian setting, which was really a superb specimen of sixteenth-century work, and their value was so great that Mr. Otis felt considerable scruples about allowing his daughter to accept them.

“My lord,” he said, “I know that in this country mortmain is held to apply to trinkets as well as to land, and it is quite clear to me that these jewels are, or should be, heirlooms in your family.

I must beg you, accordingly, to take them to London with you, and to regard them simply as a portion of your property which has been restored to you under certain strange conditions.

The Canterville Ghost

Что касается моей дочери, то она ещё ребёнок и пока что, слава Богу, мало интересуется такого рода дорогими безделушками.

К тому же миссис Оутис сообщила мне, — а она, должен сказать, провела в юности несколько зим в Бостоне и неплохо разбирается в вопросах искусства, — что эти украшения имеют большую денежную ценность, и если бы были предложены для продажи, за них можно было бы получить солидную сумму.

В этих обстоятельствах, лорд Кентервиль, я, как вы должны понимать, не могу допустить, чтобы они перешли к кому-нибудь из членов моей семьи. Да и вообще такого рода безделушки, какими бы уместными или необходимыми, с точки зрения поддержания престижа, они ни казались в глазах британской аристократии, совершенно ни к чему тем, кто воспитан в строгих и, я бы сказал, непоколебимых республиканских принципах простоты.

Впрочем, не стану скрывать, что Вирджиния была бы счастлива, если бы вы позволили ей сохранить саму шкатулку в память о вашем несчастном заблудшем предке.

Поскольку вещь эта старая и достаточно ветхая, вы, быть может, и в самом деле найдёте возможным исполнить её просьбу.

Я же со своей стороны должен признаться, что крайне удивлён интересом моей дочери к чему-либо средневековому и могу объяснить это лишь тем, что Вирджиния родилась в одном из пригородов Лондона вскоре после того, как миссис Оутис возвратилась из поездки в Афины.

Лорд Кентервиль выслушал речь почтенного посланника с величайшим вниманием и лишь изредка подёргивал себя за седые усы, чтобы скрыть невольную улыбку. Когда мистер Оутис закончил, он крепко пожал ему руку и сказал:

As for my daughter, she is merely a child, and has as yet, I am glad to say, but little interest in such appurtenances of idle luxury.

I am also informed by Mrs. Otis, who, I may say, is no mean authority upon Art,—having had the privilege of spending several winters in Boston when she was a girl,—that these gems are of great monetary worth, and if offered for sale would fetch a tall price.

Under these circumstances, Lord Canterville, I feel sure that you will recognize how impossible it would be for me to allow them to remain in the possession of any member of my family; and, indeed, all such vain gauds and toys, however suitable or necessary to the dignity of the British aristocracy, would be completely out of place among those who have been brought up on the severe, and I believe immortal, principles of Republican simplicity.

Perhaps I should mention that Virginia is very anxious that you should allow her to retain the box, as a memento of your unfortunate but misguided ancestor.

As it is extremely old, and consequently a good deal out of repair, you may perhaps think fit to comply with her request.

For my own part, I confess I am a good deal surprised to find a child of mine expressing sympathy with mediævalism in any form, and can only account for it by the fact that Virginia was born in one of your London suburbs shortly after Mrs. Otis had returned from a trip to Athens."

Lord Canterville listened very gravely to the worthy Minister's speech, pulling his grey moustache now and then to hide an involuntary smile, and when Mr. Otis had ended, he shook him cordially by the hand, and said:

Кентервильское привидение

— Дорогой мистер Оутис, ваша прелестная дочь оказала моему несчастному предку, сэру Саймону, поистине неоценимую услугу, и я, как и все мои родственники, чрезвычайно признателен ей за это и восхищён её поразительной отвагой и самоотверженностью.

Драгоценности по праву принадлежат только ей, и если бы я забрал их у неё, то, ей-Богу, я проявил бы такое бессердечие, что через каких-нибудь пару недель старый грешник непременно вышел бы из могилы и не давал бы мне покоя до конца дней моих.

Что же до того, являются ли эти драгоценности фамильными, то их, несомненно, нельзя считать таковыми, поскольку среди них нет ни одного предмета, который был бы упомянут в завещании или ином юридическом документе, и об их существовании до сих пор не было известно.

Уверяю вас, у меня на них столько же прав, сколько, например, у вашего дворецкого, и я не сомневаюсь, что, когда мисс Вирджиния станет взрослой, она с удовольствием их будет носить.

К тому же вы забываете, мистер Оутис, что купили замок вместе с мебелью и привидением, а стало быть, всё, что принадлежало привидению, автоматически стало вашей собственностью — ведь, хотя сэр Саймон и проявлял по ночам некоторую активность, с точки зрения закона он считается мёртвым, а значит, покупая поместье, вы приобрели также и всю его личную собственность.

“My dear sir, your charming little daughter rendered my unlucky ancestor, Sir Simon, a very important service, and I and my family are much indebted to her for her marvellous courage and pluck.

The jewels are clearly hers, and, egad, I believe that if I were heartless enough to take them from her, the wicked old fellow would be out of his grave in a fortnight, leading me the devil of a life.

As for their being heirlooms, nothing is an heirloom that is not so mentioned in a will or legal document, and the existence of these jewels has been quite unknown.

I assure you I have no more claim on them than your butler, and when Miss Virginia grows up, I dare say she will be pleased to have pretty things to wear.

Besides, you forget, Mr. Otis, that you took the furniture and the ghost at a valuation, and anything that belonged to the ghost passed at once into your possession, as, whatever activity Sir Simon may have shown in the corridor at night, in point of law he was really dead, and you acquired his property by purchase.”

The Canterville Ghost

Мистера Оутиса немало огорчил отказ лорда Кентервиля принять драгоценности, и он просил его изменить своё решение, но благородный пэр был твёрд и в конце концов уговорил посланника позволить дочери оставить подарок, сделанный привидением. Когда весной 1890 года молодую герцогиню Чеширскую представляли по случаю её бракосочетания самой королеве, её драгоценности вызвали всеобщее восхищение.

Да, да, герцогиня Чеширская это и есть наша маленькая Вирджиния, ибо она, выйдя замуж за своего юного поклонника, едва он достиг совершеннолетия, стала герцогиней и получила герцогскую корону — награду, которую получают за образцовое поведение все американские девочки.

Вирджиния и юный герцог были так очаровательны и так влюблены друг в друга, что их союз привёл всех в восторг, за исключением старой маркизы Дамблтон, которая пыталась пристроить за герцога одну из своих семи незамужних дочерей и дала с этой целью целых три дорогих званых обеда, а также, как ни странно, самого мистера Оутиса.

При всей своей личной привязанности к молодому герцогу, он теоретически был против титулов и в данном случае, если привести его собственные слова, «опасался, как бы из-за расслабляющего влияния приверженной наслаждениям аристократии не были бы забыты незыблемые принципы республиканской простоты».

Но в конце концов его удалось убедить в обоснованности его опасений, и когда он вёл свою дочь к алтарю церкви святого Георгия, что на Ганновер-сквер, то, мне кажется, вряд ли во всей Англии можно было бы сыскать человека счастливее его.

Mr. Otis was a good deal distressed at Lord Canterville's refusal, and begged him to reconsider his decision, but the good-natured peer was quite firm, and finally induced the Minister to allow his daughter to retain the present the ghost had given her, and when, in the spring of 1890, the young Duchess of Cheshire was presented at the Queen's first drawing-room on the occasion of her marriage, her jewels were the universal theme of admiration.

For Virginia received the coronet, which is the reward of all good little American girls, and was married to her boy-lover as soon as he came of age.

They were both so charming, and they loved each other so much, that every one was delighted at the match, except the old Marchioness of Dumbleton, who had tried to catch the Duke for one of her seven unmarried daughters, and had given no less than three expensive dinner-parties for that purpose, and, strange to say, Mr. Otis himself.

Mr. Otis was extremely fond of the young Duke personally, but, theoretically, he objected to titles, and, to use his own words, "was not without apprehension lest, amid the enervating influences of a pleasure-loving aristocracy, the true principles of Republican simplicity should be forgotten."

His objections, however, were completely overruled, and I believe that when he walked up the aisle of St. George's, Hanover Square, with his daughter leaning on his arm, there was not a prouder man in the whole length and breadth of England.

Кентервильское привидение

По окончании медового месяца герцог и герцогиня отправились в Кентервильский замок и на второй день пребывания там посетили заброшенное кладбище близ соснового бора.

Им долго не удавалось придумать эпитафию для надгробия сэра Саймона, и в конце концов они решили ограничиться его инициалами, а также стихами, начертанными на окне библиотеки.

Герцогиня принесла с собой свежие розы и усыпала ими могилу. Немного постояв над местом вечного упокоения Кентервильского привидения, они направились к полуразрушенной старинной церквушке.

Герцогиня присела на упавшую колонну, а её молодой супруг расположился у её ног. Он курил и молча любовался её прекрасными глазами.

Вдруг он выбросил недокуренную папиросу, взял её за руку и сказал:
— Вирджиния, у жены не должно быть секретов от мужа.

— У меня нет от тебя секретов, дорогой Сесил.

— А вот и есть, — ответил он улыбаясь. — Ты ведь никогда не рассказывала мне, что случилось, когда вы заперлись вдвоём с привидением.

— Я никому этого не рассказывала, Сесил, — сказала Вирджиния, посерьёзнев.

— Знаю, но мне ты могла бы рассказать.

— Ну пожалуйста, Сесил, не надо меня просить, я не могу этого рассказывать. Бедный сэр Саймон! Я стольким ему обязана! Не смейся, Сесил, это действительно так. Он открыл для меня, что есть Жизнь, и что есть Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти.

The Duke and Duchess, after the honeymoon was over, went down to Canterville Chase, and on the day after their arrival they walked over in the afternoon to the lonely churchyard by the pine-woods.

There had been a great deal of difficulty at first about the inscription on Sir Simon's tombstone, but finally it had been decided to engrave on it simply the initials of the old gentleman's name, and the verse from the library window.

The Duchess had brought with her some lovely roses, which she strewed upon the grave, and after they had stood by it for some time they strolled into the ruined chancel of the old abbey.

There the Duchess sat down on a fallen pillar, while her husband lay at her feet smoking a cigarette and looking up at her beautiful eyes.

Suddenly he threw his cigarette away, took hold of her hand, and said to her, "Virginia, a wife should have no secrets from her husband."

"Dear Cecil! I have no secrets from you."

"Yes, you have," he answered, smiling, "you have never told me what happened to you when you were locked up with the ghost."

"I have never told any one, Cecil," said Virginia, gravely.

"I know that, but you might tell me."

"Please don't ask me, Cecil, I cannot tell you. Poor Sir Simon! I owe him a great deal. Yes, don't laugh, Cecil, I really do. He made me see what Life is, and what Death signifies, and why Love is stronger than both."

The Canterville Ghost

Герцог встал и нежно поцеловал жену.

The Duke rose and kissed his wife lovingly.

— Что ж, пусть эта тайна будет твоей, лишь бы твоё сердце было моим, — прошептал он ей на ухо.

“You can have your secret as long as I have your heart,” he murmured.

— Оно всегда было твоим, Сесил.

“You have always had that, Cecil.”

— Но ведь нашим детям ты расскажешь когда-нибудь?

“And you will tell our children some day, won’t you?”

Вирджиния покраснела.

Virginia blushed.



Больш книг-білінгв на bilinguator.com
More bilingual books on bilinguator.com
Więcej dwujęzycznych książek na bilinguator.com
Больше книг-билингв на bilinguator.com
Більше книг-білінгв на bilinguator.com

2024